
ИРИНА
ВОРОБЕЙ
30 свиданий, чтобы забыть

Ирина Воробей

30 свиданий, чтобы забыть

«Литнет»
2025

Воробей И.

30 свиданий, чтобы забыть / И. Воробей — «Литнет», 2025

Бархатов - предатель! Ненавижу его! Он ведь обещал остаться в Питере, со мной, а сам втихаря поступил в Москву. И уехал. Ничего, я расквитаюсь с этим динамо.# бывший VS фиктивный # огонь мажор # (не?)остывший бывший # простая девчонка # противостояние # немного юмора # немного драмы # популярные парни # студенты # любовь и дружба # глубокие чувства # эмоциональноПродолжение истории "30 вопросов, чтобы влюбиться". Можно читать отдельно, но кому интересна предыстория героев, приглашаю прочитать 1 часть: Следующая книга цикла "30 причин, чтобы не любить":Спасибо, что заглянули Всем приятного чтения! Всегда рада вашим звездам и комментариям Подписывайтесь на новинки - будут еще истории

© Воробей И., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 26
Глава 7 32
Глава 8 36
Глава 9 41
Глава 10 47
Глава 11 50
Глава 12 57
Глава 13 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Глава 1

Ха, он думает, что научился меня обгонять. Счастливый такой, лыбится. Козырек перекинул назад, чтоб обзор ничто не затмевало, и руками вцепился в руль. Сосредоточен. А я еду на расслабоне. Специально поддаюсь. Сегодня такая ставка, что мне хочется проиграть. Вот за килограмм зефира вчера я билась насмерть.

Августовский ветер совсем теплый, как будто напитался солнцем за лето и теперь разносит его по улицам, чтобы люди успели насладиться остатками зноя. Небо в красном закате, а улицы полны людей и машин. Все куда-то несутся. И мы со Славой мимо них, стремглав, на самокатах.

Разумеется, Слава приезжает первым к памятнику. Тот стоит посреди круглого сквера. Вокруг деревья и кусты. Несколько скамеек пустует. А по тропинкам мимо снуют гуляки компаниями и семьями.

Я доезжаю спустя полминуты, даю ему прочувствовать собственное торжество. Из десяти гонок для вида я выиграла лишь две, чтобы он не думал, типа я не стараюсь.

– Ты должна мне восемь поцелуев, – Слава скалится.

Да хоть миллион. Я же вся твоя. Дурак, еще этого не понял.

Не могу не улыбаться, глядя в эти зеленые глаза с золотым ореолом.

– В любое место, – он грозит мне указательным пальцем, но смотрит заискивающе – еще раз спрашивает разрешения.

– Дааа, – протягиваю лениво, слезая с самоката. – Мы же договорились.

Он свой уже оставил у памятника. Я свой ставлю рядом. Слава хватает меня за плечи и разглядывает внимательно всю фигуру, как хищник добычу, в поисках самого лакомого куска. Облизывается при этом, будто правда сейчас меня съест. В последнее время я часто вижу в его глазах нездоровый аппетит. Мне от этого одновременно страшно и приятно. Аж зудит внутри, непонятно где. Такая странная жажда просыпается, неудовлетворимая.

– Блин, не знаю, с чего начать, ты такая везде вкусная, – он высовывает язык и медленно движется кончиком по верхней губе, а глазами спускается с лица на шею.

Я слежу за ним пристально, затаив дыхание, и сглатываю. Что-то острое. Слава очень близко. Волны от ударов его сердца бьют мне в грудь. Заводят и мое до бешенства.

Здесь тихо. Мы окружены деревьями. Если что, меня никто не спасет. От меня же самой. Во мне в последнее время тоже постоянно борются мелкие демоны. Их голоса, все отчетливее и громче, становится трудно игнорировать. Они требуют плохого. Но разум пока еще побеждает. Я судорожно выдыхаю.

– Ладно, пойдем от малого, – Слава чмокает меня в щеку, совсем рядом с губами, почти на подбородке, и считает. – Раз.

Не отрываясь, переходит на другую сторону и целует там.

– Два.

Влажные губы мягко скользят к моему уху и касаются мочки. Даже не целуют ее, а кусают. Я поднимаю плечи в попытке сжаться, чтобы не вырвалось… неистовство. И тихо смеюсь от напряжения.

– Три.

Слава перекидывается на другое ухо. И с ним делает то же самое. У меня сердце вот-вот взорвется.

– Четыре.

Затем впивается в шею, как беззубый вампир. Я невольно ахаю. Увожу голову в сторону. Спиной упираюсь в гладкий мрамор памятника.

– Пять, – его губы ползут по шее вниз, а пальцы аккуратно оттягивают мою футболку, раскрывая ключицу и плечо. Слава целует туда, в самую круглую часть. – Шесть.

Седьмой поцелуй приходится на второе плечо, а восьмой – в губы. Мы оба голодны. Присасываемся моментально. Я даже вздох не успеваю сделать. Втягиваюсь в него вся. Слава держит меня за затылок и поясницу. Обхват становится все крепче, а наши тела все ближе, уже вжимаются друг в друга.

– Восемь, – выдыхает Слава, упираясь в меня лбом. В голосе я слышу легкую досаду. Испытываю то же самое.

– Ты мне тоже должен два поцелуя, – и снова захватываю его губы.

Он расходится. Скручивает футболку за моей спиной, задирает ее слегка и обхватывает ладонью голую талию. Мне пора его остановить. Он стал часто забываться и лезть, куда не следует. Я кладу слабую руку на его плечо, хочу сжать, чтобы прекратить это, но пальцы не слушаются. Как и Слава. Залезает под футболку и целует еще напористее.

Ах…

Он касается моей груди. Буквально захватывает ее, маленькую, в свою здоровую ладонь. И жмет.

Ах… Блин!

Приятно даже сквозь боль. Меня словно током прошибает, таким мощным сгустком удовольствия, которое застревает где-то внизу, и все во мне… уплотняется.

Нас спасает вибрация и пиликающий звук. Это мне пришло сообщение. Я отпихиваю Славу, пользуясь этим моментом отрезвления, и хватаюсь за телефон в заднем кармане шорт.

На экране блокировки высвечивается сообщение от Валентина: «Я прошел на подготовительные курсы в РГИСИ!» и много счастливых смайликов.

Вау! Я нажимаю, чтобы сразу ответить. Хочется разделить его радость.

– Ну, конечно. Валентин же не подождет, а я потерплю, – бурчит Слава и отходит, перекидывая бейсболку козырьком вперед.

– Слав, ну он мечтает туда поступить. Там даже на подготовительные курсы дикий конкурс, – улыбаюсь. Мне нравится его ревность. Пусть тоже помучается, не все же мне изводиться.

И скорее печатаю сообщение, чтобы вернуться к Славе и нашим поцелуям. Но он уже не дается. Стоит в двух шагах от меня, сложив руки в карманы спортивных штанов, а сам смотрит так… с извинением. Или что это за странный взгляд? Он так обычно смотрит, когда накосячит.

– Я ведь тоже поступил, – говорит и тут же зажевывает губы. Не понимаю, что в этом такого? Я в нем и не сомневалась. Улыбка сохраняется на моем лице. – В Москву.

– Что?

Сердце останавливается. Легкие не дышат. Нутро сворачивается.

Как это? Как в Москву? Он же в Питере только подавался… Выходит, обманул?

– Надо ехать через неделю, – Слава добивает меня спокойным тоном.

В глаза уже не смотрит. Чешет шею. Сглатывает.

Предатель.

Я тоже не могу на него смотреть. Чувствую, как сердце отваливается по кускам. Это конец. Мы… расстаемся?

Мир тускнеет. Прямо гаснет, как свет в театре после третьего звонка. Только что был ясный августовский день, а теперь тугая декабрьская ночь. Золотое свечение в любимых глазах тоже бледнеет. Я застываю, словно меня замуровывают в стену вечной боли и тоски.

– Почему ты только сейчас об этом говоришь? – выжимаю из горла последние усилия, чтобы это произнести.

Слава поджимает губы и опускает голову. Кивает виновато. Согласен, что неправ.

– Не знаю. Не хотел… То есть боялся…

Наверное, в моих глазах сейчас вся печаль этого мира. Наткнувшись на мой взгляд, Слава морщится, как от собственной боли, и смотрит на меня снизу. То есть, на самом деле, сверху, но таким заискивающим взглядом, что я кажусь самой себе выше его.

– Думал, что просто поставлю тебя перед фактом, и тогда…

– Ага, конечно, – мой голос вдруг наполняется силой, набирает веса, становится тяжелым. – Решил облегчить себе задачу. Бросить и свалить без оглядки.

– Да какой бросить, Лер?! – Слава психует и хватает меня за плечи, словно я могу убежать. У меня ноги уже в бетоне. Я вросла в эту плитку.

Там, за кустами, визжит малышня и кричат на них родители. Ветер шелестит между кронами тополей. Остатки пуха летают в воздухе.

– Я и не думал, что поступлю туда. А вот, повезло, – он пытается улыбнуться, но напарывается на мое лицо и стягивает рот вправо. Не знаю, какой у меня вид, наверное, сердитый и жалкий одновременно. Я не знаю, что изобразить – обиду, злость, презрение. Но мне в первую очередь больно.

Бархатов предал наши мечты. Ведь обещал остаться в Питере. Чтобы вместе. А сам при первой же возможности валит в Москву. Даже хуже. Он обещал не создавать такую возможность и создал. Видимо, это были только мои мечты.

– Да тут на Сапсане четыре часа, – звучит неубедительно. Разумеется, он и сам сомневается.

Врал ведь неспроста. Зачем?

– Знаю, тупо получилось. Я просто не хотел тебя лишний раз напрягать. Думал, не поступлю, и фиг с ним. А если поступлю, то…

– Фиг с *ней*, да? – выплескивается из меня с усмешкой. Я жмурюсь и стискиваю зубы, чтобы не разреветься. Весь год этого боялась. Как чувствовала.

– Ну, блин, Лерыш, ты что такое говоришь? – он тыкается носом в мою щеку, гладит до самого подбородка, ищет губами мои губы и улыбается. Как это жестоко. Не будь я замурована в собственной боли, я бы его отпихнула от себя. – Мне на тебя никогда не будет пофиг.

Слава жмется ко мне губами, закусывает мою нижнюю, щупает кончиком языка верхнюю.

Блин! Мне должно быть противно. Он же предатель!

Но я сдаюсь. Не могу перед ним устоять. Бархатов, гад, это знает и активно пользуется. Всегда так вымаливает прощения. Сначала наделает приятностей, чтобы расплавить мою бдительность и критичность. Только тогда признается в содеянном и сразу обнимает, игнорируя все мои потуги вырваться. А потом лезет целоваться, прижав к чему-нибудь.

Мои лопатки упираются в памятник. По бокам колючие кусты. Спереди Слава. Целует меня жадно, вдавливая в себя. И очень долго. Высасывает мою обиду. Но в этот раз не поможет. Она только копится и закипает.

– Хватит! – я не выдерживаю собственного накала и отталкиваю его за плечи.

Слава мотает головой и отходит. Ветер задувает под футболку. Охлаждает мою вскипевшую кожу. Сердце так бьется, что я боюсь умереть. Хотя, кажется, это единственное, что мне остается. Как без него жить?

– Зачем ты врал тогда? Мог бы сразу бросить, если уж хотел, – я заправляю футболку в шорты и шмыгаю носом.

Слезы на подходе. Надо бы уйти с достоинством.

– Потому что не хотел, Лер! И сейчас не хочу. Ты мне очень нравишься. Сама не видишь… – он машет на меня рукой, будто это что-то доказывает, и, хватаясь за наушники на шее, поднимает лицо к небу. – Именно этого я и боялся. Потому что ты сразу сказала, что, если я уеду, мы расстанемся.

– Ну да! Это же очевидно! Как мы будем встречаться в разных городах?

– Люди же как-то встречаются. Сапсан, скайп, телега. Да мы можем общаться двадцать четыре на семь.

– Да мы даже здесь двадцать четыре на семь не общаемся! – я скрещиваю руки и отворачиваюсь. – Ты же вечно музыкой занимаешься.

Не хотела я этого говорить, укорять его… Знаю, как для него это важно. Я ведь тоже обещала не обижаться, но... У него музыка, друзья, семья, а у меня только он. Мы видимся-то не каждый день. Какие двадцать четыре на семь? Мне мало, дико его не хватает. Всегда. А теперь особенно. Сердце уже скулит. Сочится тоской.

– Лер, пожалуйста, – Слава делает на меня шаг, а я вжимаюсь в мрамор. – Там крутая программа, как раз то, что я искал и не нашел здесь. С возможностью стажировки за рубежом. И друг позвал в ночной клуб диджеить. Нельзя упускать такой шанс. Пойми.

– Еще и стажировка? За рубежом? – я выдавливаю истерический смешок.

– Да она всего полгода, на старших курсах, – он отмахивается, будто это пустяк.

Видимо, для него так и есть. Я – пустяк. Меня легко променять на стажировку и столичный ночной клуб. Глаза сами закрываются. Хочется просто закрыть эту реальность. Вернуться на десять минут назад, где мы со Славой еще вместе и счастливы. Теперь, кажется, что этого не было. Целого года просто не было. Он мне врал все это время. Как минимум с мая, когда впервые заикнулся о Москве. Уверял ведь тогда, что останется в Питере по-любому, что там ловить нечего. А сам втихаря подсуетился. И объявляет об этом теперь так. За неделю. Тупо ставит перед фактом. Обманщик.

– Лер, давай хотя бы попробуем, – Слава хватает меня за голову и заглядывает в глаза глубоко.

Он убежден и уверен. Ни толики не сомневается. Все давно решил. Без меня. Даже спрашивать не стал. У него и выбор не стоит: я или Москва. Москва однозначно, а я так… Соглашусь, и хорошо, не соглашусь – ну, печалька. Долго горевать не будет точно. Там наверняка много красивых и хороших девушек. Аркгх!

Я его толкаю что есть силы, но Слава упирается и прижимает меня к себе. Сразу обхватывает руками. Они у него, блин, крепкие. Никогда не могла вырваться. С моими-то силенками.

– Отпусти меня! – остается только орать и привлекать внимание прохожих.

– Не отпущу! Не хочу тебя отпускать!

Его частое дыхание горячими волнами накрывает мою шею. Сердечный ритм басит, как электронный бит из его последнего трека. Я вслушиваюсь, пытаюсь успокоиться, переварить то месиво чувств, которое внутри бурлит, но не могу. Просто не могу. Всего слишком много. И навалилось так внезапно. Только бы не разреветься.

А Ксюня почему молчала? Она-то не могла не знать. Они оба меня предали. Как все бесит!

– Отстань. Ты уже показал, как тебе на меня плевать!

Я снова пытаюсь вырваться. Слава откидывает корпус назад и вжимает руками мои плечи в мрамор. Глазами ищет мои, а я их специально прячу, потому что они наверняка уже красные. И слезятся.

– Лер, хватит фигню нести. Ты прекрасно знаешь, как мне на тебя не плевать.

– Нет, не знаю! – уже воплю. Слезы все-таки прыскают. И я смело смотрю Славе в лицо. – Почему ты врал мне? Ты же обещал!

Он то раздвигает брови, то сдвигает. И кусает нижнюю губу. Держит меня уже не крепко. Глазами бегает по моему лицу, словно хочет зацепиться, а не за что.

– Прости. Я хотел… как лучше.

– Ну, очевидно, тебе без меня лучше. Хотел – получай.

Я сбрасываю его руки с плеч и ухожу. Сама не знаю, в какую сторону, просто вперед. Когда приду в себя, соображу, как добраться до дома.

Успеваю сделать лишь несколько шагов, Слава хватает меня за руку и разворачивает к себе.

– Лер… Остынь, и завтра поговорим. Хорошо?

Какой наглец! Еще думает, что после такого сможет меня уломать? Это самое настоящее предательство! Такое не прощают!

– Нет, – хочу ответить твердо, но выходит ломано. Лицо тоже отворачиваю, насколько позволяет шея. – Раз мое мнение для тебя ничего не значит, зачем я тебе вообще? Не буду мешать тебе жить.

– Да блин! Че за бред, Лер?! – Слава взмахивает обеими руками, отпуская меня, и разворачивается по оси. – Почему ты так реагируешь? Ты даже понять меня не пытаешься! Может, *я*тебе не нужен, на самом деле? И ты только рада от меня избавиться, а?

Он подходит ближе и глядит в упор.

– Может, это *я*мешаю? Вам с Валентином?

– Чтоо?! – я так морщусь, будто гнилую рыбу съела. Аж тошно становится от такого обвинения. Да как? – При чем здесь Валентин вообще?

– Ну, как всегда, ни при чем.

Слава отшагивает в сторону, сжимая кулаки. Почти пыхтит, как бешеный бык. Я только рот раскрываю в возмущении. А выдавить ничего не могу. Да какой Валентин? Давно проехали эту тему. А он все не угомонится.

– Не переводи с больной головы на здоровую! – наконец, нахожу, что сказать. – Мы с Валентином дружим. Я тебе не давала повода... Валентин вообще порядочный, прекрасно знает про нас с тобой и к тебе относится, между прочим, хорошо. Не то, что ты к нему.

– Да, да, он идеальный, – Слава закатывает глаза и отворачивается. Хватается за козырек, потом за наушники и снова за бейсболку. – Когда я уеду, он, конечно, будет рядом.

– Конечно! – реву уже не своим голосом, а потом всхлипываю и продолжаю обессиленно. – Конечно, ты уедешь… А я останусь. Какая же я дура. Мечтала о нас с тобой. Напридумала себе…

Блин, зачем я все это говорю? Просто льется. Душа порвана, мысли вытекают. Вместе с ними боль, неуемная боль.

Слава смотрит на меня молча огромными глазами. Они все равно кажутся мне очень красивыми. И он весь тоже. На него всегда приятно смотреть, что бы ни было. От этого еще паршивее. Не только мне ведь приятно. Да за ним тут полшколы бегало. А там вообще… Боюсь даже представить красавиц, которые там водятся. Коростылева им в подметки не годится, наверное. Ахах, и он боится оставить меня тут с Валентином.

Силы все же находятся. Обида меня подстегивает. Я двигаюсь на выход из этой тесноты, ореола Славиного обаяния, пузыря нашей любви. Или только своей любви.

– Лер!

Я не откликаюсь, потому что слезы уже текут так, что их даже под ливнем не спрячешь.

***

Рада вас приветствовать на страницах этой книги! Это уже вторая часть (ссылка на первую часть есть в аннотации). Можно читать отдельно, но, чтобы проникнуться историей знакомства героев, рекомендую прочитать первую книгу.

*Добавляйте книгу в библиотеку, ставьте звездочки, если вам нравится история, и делитесь впечатлениями в комментариях. С удовольствием обсужу с вами героев и сюжет ^__^*

Благодарю за вашу поддержку ##

Визуалыможно посмотреть в моем ТГ (ссылка есть в разделе "Обо мне")

Глава 2

Всю следующую неделю я не нахожу себе места. Хожу мумией, отмалчиваюсь, много слушаю МакSим и еще больше Билли Айлиш. Проклинаю Бархатова. Ни один человек в мире, кажется, не может доставить мне одновременно столько счастья и столько страданий.

Мама с папой косятся на меня и шушукаются между собой. После ссоры со Славой я вернулась домой в паршивом настроении и в пылу накричала на них, попросила меня больше не беспокоить. Вот они и боятся. Так лучше. Не хочу им рассказывать, что Слава меня бросил. Не сейчас. Позже. Когда это и так станет очевидно.

С Ксюней мы практически каждый день видимся в школе. Перед началом года Марина Антоновна попросила нас разгрести коморку. Мы выносим мусор, убираемся, красим мебель. Из всего драмкружка нам помогают только Валентин, Кузьмин и Еловская.

Ксюня оправдывается.

– Я ему говорила, что надо сразу тебе сказать, – ворчит она, пыхтя. – А он такой, типа, все равно не поступлю, так поссоримся впустую. Типа, если поступлю, тогда и решим.

Мы вместе тащим дубовую тумбочку на улицу, чтобы покрасить.

Летом мы с Ксюней почти не виделись, потому что она ездила в языковой лагерь на Мальту. Столько впечатлений оттуда привезла, а еще розовые волосы и золотой загар. И вымахала сразу сантиметров на десять, кажется. Наверное, росла весь год, но я как-то не замечала. А через два месяца разлуки это резко бросилось в глаза. Похудеть – не похудела, но, вытянувшись, стала казаться стройнее. Теперь чертовски привлекательна. Я обзавидовалась. Потому что я вот ни на сантиметр не выросла. Все такая же низкая и тощая. А у Бархатовых красота, очевидно, в генах.

– Ага. Решим, – обида теснится в груди слишком плотно, все слова сами выдавливаются. – Он сам все давно решил. Меня даже не спросил.

Ксюня смотрит на меня с сочувствием. Спасибо, конечно, но это не обезболивает.

– Он просто надеялся, что, если поступит, то ты поймешь. Ну, раз шанс такой выпадает, типа надо пользоваться, – говорит она осторожно, когда мы ставим тумбу на землю, и утирает пот со лба.

– Типа куда я денусь, да? – я выпрямляюсь и смотрю Ксюне в глаза. Она их прячет. – Да дело даже не в этом. Не сейчас, так мы потом расстанемся. По-любому. Он сам не заметит, как его там какая-нибудь стерва охомутает. А я – страдай?

Я поднимаю лицо к небу. Оно хмурится. Тучи кучкуются, как перед грозой. Ливануло бы уже. Смыло бы меня с этой чертовой земли.

– Будто так ты не страдаешь, – цокает Ксюня и разворачивается обратно к школе. Нам надо вернуться за красками.

Я вздыхаю. Да, она права. Я и так, и так страдаю. Мне просто без Славы плохо, где бы то ни было. Но я уверена, что будет гораздо хуже, когда узнаю, что у него завелась новая девушка, а я – с глаз долой, из сердца вон. Лучше заранее. Я хотя бы не буду изводить себя ненужной ревностью.

– Ну он, видимо, хочет полной свободы. Раз не удосужился со мной даже обсудить. И пожалуйста. Пусть покоряет Москву. Его успехам я все равно буду радоваться искренне.

В пустом коридоре моя обида звенит гораздо отчетливее. Разносится эхом по каменным стенам. И снова вонзается в меня, как бумеранг. Ксюня мотает головой и через паузу говорит:

– Но там реально больше возможностей. Универ крутой. И подработка сразу нашлась.

Она поглядывает на меня то и дело, но я специально не реагирую, смотрю в пол, переплетая ноги едва-едва. То ли тумбочка слишком тяжелая, то ли преждевременная тоска по Славе высасывает из меня все силы.

– О будущем же тоже надо думать, – продолжает Ксюня. – Он ведь для вас обоих старается. Ты же сама потом будешь кайфовать, что он успешный и хорошо зарабатывает. Тебе тогда не надо будет работать. Будешь в шоколаде.

Я привыкла к Ксюниной мудрости и часто с ней соглашаюсь. Но сейчас мне хочется бастовать. Против всего. Доводов никаких нет, а что-то внутри меня яростно жаждет поспорить.

– Ага, только обузой ему буду. Мне не надо, чтобы меня держали в шоколаде. Я хочу, чтобы со мной считались! – на нервах я очень громко хлопаю дверью. Все стены дребезжат.

Блин, надо унять свой псих.

В мастерской Валентин, Кузьмин и Еловская лупят на нас во все глаза. Испугались. Кузьмин даже костюмы уронил. Марина Антоновна выныривает из-за стеллажа и тоже впивается в меня недоуменными глазами.

– Все в порядке?

– Извините, – бурчу я, не поднимая ни на кого глаз, но всем лицом ощущаю на себе жалость Валентина. Он ничего не говорит, а смотрит так… Выть хочется от собственной никчемности.

Мы с Ксюней берем банку краски и кисточки под столом. Они уже использованные, вчера только красили стол.

– Газеты возьмите, пригодятся, – кричит нам вдогонку Марина Антоновна, вынося кипу бумаг к двери.

Я хватаю первые несколько разворотов и скрываюсь за Ксюней в коридоре.

– Вот Дегтярев твой и шага без тебя не может сделать, – мне хочется выговориться, поэтому, как только мы оказываемся наедине, я продолжаю. – Он даже в армию идет с твоего разрешения.

– Потому что я ему ничего не запрещаю и не угрожаю расставанием за каждый шаг, – Ксюня закатывает глаза, неся банку краски, как реликвию, на вытянутых руках.

– Я ему тоже не запрещаю! Ему попробуй запрети! Он все равно сделает по-своему.

– Ну, да. Слава такой, – она вздыхает. – Папа ему тоже ничего запретить не может. Кажется, наконец, это понял и перестал бороться.

Во мне последняя надежда обрывается. Грохается на дно души шлаком.

Да, на пути к мечте Слава не видит препятствий. Даже отца переборол. А меня просто выкинул, как мусор, чтоб не вякала.

– Ну, вы хотя бы поговорите перед его отъездом. Нельзя же так, – зеленые глаза Ксюни округляются, больше умоляют, чем приказывают.

Я вглядываюсь в ее улыбчивое лицо. Вижу Славины черты и сжимаюсь внутри от тоски. Как его забыть? Его сестра будет мне постоянным напоминанием. И эта школа, и эта улица. Да весь город будет мне вечно о нем напоминать!

Пиликает смартфон. Я смотрю на экран. Слава пишет: *«Лер, я завтра уезжаю. Хотя бы трубку возьми»*. Он мне всю неделю названивает, но тоже не без гордости. Позвонит раз в день, напишет и больше не тревожит. Наверное, мне хочется, чтобы мой телефон разрывался от его звонков, и смски падали одна за другой, не переставая, с мольбами простить и вернуться. А еще лучше, чтобы он караулил меня у подъезда с букетом из тысячи тюльпанов, которые я люблю, и не давал прохода, пока не отвечу «да». Но нет. Слава не такой. Я не отвечу, и он уедет. Спокойно, гордо, без всяких истерик и скандалов. И я его больше никогда не увижу.

Слезы хлещут из глаз. Ксюня сразу меня обнимает. И мы долго так стоим. Я стараюсь не реветь, зажимаю себе рот рукой, тихо хнычу, заливая слезами Ксюнино плечо. Она гладит меня по голове и ничего не говорит. Что тут сказать?

После этого мы молча красим тумбочку. Вся эта возня в мастерской меня всегда отвлекала. И сейчас работает. Я успокаиваюсь. Даже ни о чем толком не думаю. Слежу за мазками

краски, которые создаю жесткой кистью, чтобы все хорошо прокрасилось, и защищаю тумбу от насекомых, норовящих сесть на блестящую поверхность. Концентрируюсь на этом процессе максимально, чтобы в мыслях даже фоном не мелькнуло нигде лицо Славы. А сердце все равно ноет. Наверное, пора к этому привыкать. Кажется, так будет теперь всегда.

Глава 3

Домой я возвращаюсь ближе к восьми. После драмкружка еще катаюсь на самокате, пока не замерзаю. Ксюня и Валентин предлагали составить мне компанию, но смысл? Их утешения мне помогают держаться, дают моральную опору – я не одна, но по факту делают только хуже. Не хочу быть настолько жалкой.

Мама с папой на кухне готовят ужин. Папа, как обычно, что-то с чувством рассказывает. Наверное, новую выставку посетил. А мама охает и ахает, постоянно удивляется. Им так интересно друг с другом, что порой мне бывает обидно. Я далеко не всегда могу поддержать их беседу о высоком искусстве, или политике, или бог весть чем еще. Но сейчас мне это на руку.

– Лерок, надеюсь, ты голодная. Мы почти приготовили очень вкусное ризотто, – кричит мама с кухни, не выглядывая. Папины волосатые ноги я вижу под открытой дверцей холодильника.

– Нам еще минут десять, Лерок. Не торопись, – добавляет он, что-то жуя.

Я заглядываю в проем, чисто поздороваться, потому что аппетита нет. К тому же после драмкружка мы с Ксюней слопали по сэндвичу. Мама в шелковой пижаме пританцовывает у плиты и мешает деревянной вилкой жижу в сковороде. Папа в шортах и футболке захлопывает холодильник и выкладывает на стол уже натертый сыр.

– Ты с ночевкой сегодня? – спрашиваю у него, хватая из миски горстку.

В последнее время папа уходит домой только ночевать, и то не всегда. И они думают о покупке квартиры побольше, чтобы, наконец, съехаться и выселить меня в отдельную комнату, хотя мама еще за эту не закрыла ипотеку. С папиной помощью дело идет быстрее, но у него то густо, то пусто. Картины могут долго не продаваться, а потом сразу несколько за раз. И он любит шиковать, правда, недолго. Потом опять приходится ужиматься. Никакой стабильности и практичности. Я даже удивляюсь, что маму это не беспокоит. Она же всегда расчетлива. В общем, своей комнаты я отчаялась дождаться.

– Я не планировал, но если ты настаиваешь, – он скалится, отчего все лицо испещряется морщинами. Мама смеется.

– Да как хотите, голубки.

Иногда мне кажется, что это у них первая любовь, а не у меня со Славой. Они такие милые друг с другом, аж приторно. Мне всегда хочется закатить глаза, когда они сюсюкаются за столом. Мама с ним совсем другая. Я к папе, которого у меня шестнадцать лет не было, привыкла быстрее, чем к «новой» маме. Ее до сих пор странно такой видеть.

– Приятного аппетита, – говорю, разворачиваясь.

– А ты что, не будешь? – мама вытягивает шею вслед за мной.

Я отвечаю уже из коридора.

– Я не голодна.

И пропадаю в ванной. Хочется расслабиться. Наваляться в горячей воде, наиграться с пенкой, наслушаться Славиных треков. Они не подходят для моей депрессии, и тем больше мне нравятся. В памяти кружатся воспоминания, весь прошедший год. Силикон, из-за которого все началось, кроссовок, из-за которого мы познакомились, первое свидание, которое подстроила Ксюня. Тогда оно таковым не было, но для меня до сих пор остается самым теплым и ценным воспоминанием о Славе.

Все встречи, ссоры, примирения перекручиваются в сознании. Я вылавливаю май, последний звонок, когда Слава обещал, что будет учиться в Питере. Потом сразу вспоминаю его выпускной. Точнее, день до, когда мы случайно перешли грань и посмотрели то, что не должны были. Хорошо, что папа тогда заявился невовремя, но очень кстати.

Даже сейчас от одного воспоминания об этом я краснею и хихикаю непроизвольно. Хочется опять в его объятия, окунуться в его нежность, провалиться в собственном блаженстве.

И я решаюсь.

Плевать, что он уедет. Пусть забудет меня. Я хочу, чтобы первый раз был с ним. По любви. Я уверена, что больше ни с кем и никогда у меня такой любви уже не будет. Не могу его так отпустить. Хотя бы оставлю себе самое лучшее воспоминание о нем.

Душа вспархивает, как бабочка, аж щекотно. Я сразу поднимаюсь и начинаю приводить себя в полную готовность. Мы с Ксюней уже обсуждали это, что надо быть гладкой в первый раз, хорошо пахнуть и надеть красивое белье.

Я примерно представляю, как это происходит, по кадрам из фильмов, но дьявол ведь всегда в деталях. Наверное, получится неуклюже. Впрочем, все равно, главное, со Славой.

Белья красивого у меня нет. Просто надеваю хлопковый комплект, который смотрится более-менее прилично. Грудь у меня все еще не того размера, какого бы мне хотелось, но Слава меня убедил, что я все равно красивая. Мне странно, а ему все нравится. Иногда, когда мы вдвоем, он подолгу смотрит на меня, разглядывает, гладит руками и глазами, облепляет своим восхищением.

Блин, никто больше на меня так смотреть не будет… Сердце опять утопает в тоске.

Умру медленно. И хотя бы не девственницей.

Я надеваю свое лучшее платье – голубой сарафан в горошек, и распускаю еще мокрые волосы. Поеду так, по дороге высохну. Мама с папой гремят посудой на кухне и смеются. Не замечают моих шорохов.

Обувшись в балетки, я хватаю кожаный рюкзачок, подаренный Славой на Восьмое марта, и аккуратно прикрываю входную дверь, чтоб не шуметь. Сама не знаю, почему скрываюсь. Мама меня без проблем отпускает к Славе с ночевкой, то есть не к нему, а к Ксюне, на самом деле. И для их родителей я тоже ночую всегда в Ксюниной комнате, хотя сама ночью перебираюсь к Славе. Мы болтаем часы напролет, а под утро я возвращаюсь к ней. Благо, Ксюня понимающая, нас никому не выдает.

Да мы ничем таким со Славой и не занимались. До выпускного. Целовались только и обнимались. Он сам боялся меня трогать лишний раз. А в ту ночь нас обоих прорвало.

И вот я уже у его дома. Самокат паркую рядом с лавочкой у подъезда. Защелкиваю замок, выпрямляю плечи и вздыхаю глубоко-глубоко. Кажется, смелости во мне прибавляется. Я смотрю на часы – уже десять. Знаю, что Бархатовы так рано не ложатся, но мне все равно стыдно за поздний визит.

Ладно, обстоятельства исключительные ведь.

На домофон отвечает Елена Анатольевна. Она удивляется мне, явно не ждала, но открывает дверь. Бархатовы живут аж на пятнадцатом этаже. Приходится подниматься на лифте. От волнения я дергаю замок рюкзака туда-обратно, открывая-закрывая карман. Такое ощущение, будто собираюсь сделать нечто невероятное, типа Эверест покорить или с парашютом спрыгнуть. Хотя… секс – это ведь обычная вещь, да? Все люди этим вроде занимаются. И все равно… в первый раз это жутко волнительно.

Может, Слава вообще меня прогонит? Это почему-то приходит мне в голову, только когда я уже из лифта выхожу. Дверь в их квартиру приоткрыта. На пороге меня встречает Ксюня в домашнем костюме с рисованным зайцем на груди.

– Молодец! – она светится улыбкой. Это добавляет мне уверенности.

Я киваю и вхожу в квартиру. Здесь, как всегда, чисто и аккуратно. Все светлое: стены, полы и мебель. Просторный коридор ведет сразу в несколько комнат. Славина дверь – последняя. Сбоку ванная – там журчит вода.

– Слава в душе, – кивает туда Ксюня.

Из арочного проема кухни выходит Елена Анатольевна, высокая и полная женщина с изящным лицом. Я всегда вижу ее в льняных платьях и тапочках, усыпанных стразами.

– Лера! Как здорово, что ты пришла. Проходи скорее. Чай с зефиром?

Бархатовы всегда радушны и щедры. Угощают меня любимой сладостью. Мне от этого неловко, даже спустя год уверений Славы и Ксюни. Для них это мелочи, а для меня значит много.

– Спасибо, я не голодна. Я подожду Славу в комнате.

– Как хочешь. Если что, ты знаешь, где все найти, – Елена Анатольевна улыбается искренне и заглядывает мне в лицо… с какой-то надеждой, что ли.

– Спасибо.

Я оставляю балетки на коврике и прохожу по холодной плитке к самой дальней двери. В проеме кухни замечаю сидящего за столом Олега Михайловича. Он жует пирог и читает деловой журнал, но поднимает на меня улыбчивый взгляд.

– Здравствуй, Лера. Я уж боялся, не придешь.

Слава с Ксюней говорят, что у них строгий отец. Он заставляет их хорошо учиться и убираться по дому, а на работе у него, якобы, вообще репутация страшного босса, но я всегда вижу его расслабленным, в спортивной одежде и с улыбкой на лице. Трепет он внушает только своим могучим телосложением – высоким ростом и широкими плечами. Кажется, Слава будет таким же.

– Здравствуйте, – улыбаюсь. Больше мне сказать нечего. Я сама боялась, что не приду.

И мне почему-то стыдно перед ними, всеми. Они ведь не знают, зачем я на самом деле явилась.

Господи, я сейчас сгорю, так Славы и не дождавшись.

Ксюня провожает меня в его комнату и оставляет там, подмигивая, а сама скачет по коридору с криками: «Мам, мам, заплети мне косички. Хочу кудри».

Несмотря на кучу оборудования, расставленного и развешанного повсюду, в Славиной комнате много свободного места. Максимум нас здесь помещалось человек пятнадцать, правда, теперь плохо представляю как.

Первым в глаза бросается огромный чемодан, приставленный к шкафу, уже собранный. Не хочу об этом думать и перевожу взгляд на огромное фото Славиного покойного бульдога Боба, состоящее из пяти тысяч пазлов. Он рассказывал, как эта мозаика помогла ему пережить горе. Слава собирал ее неделю и все это время рыдал. Выплакал всю боль, зато собрал памятную картину, и после этого полегчало. Я вот теперь тоже думаю распечатать Славину фотку, разбить на пять тысяч пазлов и пересобирать до бесконечности. Потому что, кажется, эту боль я выплакать не смогу. Хоть будет смысл как-то существовать дальше. Мда.

В широком окне днем полгорода видно. Но сейчас темно. Все сплошь чернота, только окна горят, как звезды. Славина кровать стоит в углу. Одеяло скомкано, подушка приставлена к стене, простыня свисает на пол. Посередине валяется смартфон. Я сажусь сперва в кожаное кресло, в котором люблю валяться, пока Слава что-нибудь рассказывает, или показывает, или создает музыку.

Мне нравится наблюдать за ним во время творческого процесса. Он становится таким важным и увлеченным. Из него, кажется, искры сыпятся от идей и вдохновения. Угомонить его почти невозможно, если он войдет во вкус. Будет сутки не спать, пока не создаст идеальный бит. Потом занимается аранжировкой, подгонкой, прокруткой и чем-то еще. Я до сих пор плохо в музыке разбираюсь.

Разглядывая детали интерьера, я мысленно с этим прощаюсь. Вспоминаю, как и что здесь менялось за год. От постеров Билли Айлиш остались отрывки скотча на обоях. Слава демонстративно их сорвал при мне, когда я устроила ему скандал, потому что он честно признался, что поцеловался бы с ней, если бы она предложила. Да, теперь мне кажется это глупостью,

но тогда меня сильно задело. Я вообще ревнивая. И сама мысль, что он будет где-то далеко в окружении суперкрасавиц, приводит меня в бешенство.

Аргкх!

Я падаю в кресло в бессилии и замираю. Вдруг понимаю, что Слава скоро вернется из душа, а я не готова. Не знаю, что делать. Надо, наверное, как-то красиво встать или, наоборот, лечь. На кровать. Как ему намекнуть, что я… хочу? Не говорить же напрямую… В кино я видела, как девушки молча раздеваются перед парнями, и те сразу на них кидаются со страстью. Интересно, со Славой тоже сработает?

Судорожно обегая глазами комнату, я останавливаюсь на кровати и иду туда. Хватаюсь за подол сарафана и, только начинаю его поднимать, слышу крики из коридора. Это Ксюня что-то спрашивает у отца. Но я пугаюсь и опускаю сарафан. Через минуту предпринимаю еще попытку, но уже сама себя обрываю.

А вдруг Елена Анатольевна заглянет? Чай, там, предложит? Или еще хуже, Олег Михайлович, а я тут в одном белье. Мало мне позора в жизни, что ли?

И я просто сажусь на кровать, сдвинув коленки друг к другу и сложив на них руки. Все дрожит. Сердце чечетку отбивает, а в голове – вихрь мыслей, плохих и хороших.

Наконец, дверь открывается, и я вскакиваю, будто меня за веревочки потянули.

Слава застывает на пороге. С темных волос стекает вода по длинной шее на мускулистые плечи и широкую грудь. Он в одном полотенце на поясе. Розовый от горячей воды. Мне мерещится, что от кожи идет пар. Зеленые глаза не моргают, смотрят на меня с изумлением. Я все еще держусь за подол сарафана и жую губы.

– Привет, – выдыхаю. Звучу очень неуверенно, оттого тихо. Хочу увести глаза, чтобы спрятать собственный стыд, но не могу. Черные зрачки расширяются, а золотой ореол вокруг них светится ярче, разгорается, манит меня блеском.

– Привет, – Слава медленно заходит внутрь и аккуратно закрывает дверь, держа узел полотенца одной рукой. Наконец, его губы растягиваются в улыбку, правда, слабую. Он смотрит с вопросом, словно не верит тому, что видит. – Ты пришла.

– Я… только… – останавливаюсь на каждом слове зачем-то, не знаю, как это сказать и что говорить, на самом деле. В груди все уже взрывается по цепной реакции. Началось с сердца. – Не думай… я только хотела… Только это…

Не знаю, что на меня находит, но я срываю с себя сарафан и встаю перед Славой прямо, расправляя плечи и выпячивая грудь. Одежда падает к ногам, а руки я кладу на пояс, не зная, куда еще их пристроить.

Что демонстрирую? Сама не понимаю. Хочется треснуть себя по голове. Но утешаюсь тем, что Слава привык к моему кринжу.

– Вот… – опускаю голову на выдохе.

Слава таращит глаза и открывает рот. У самого полотенце тоже спадает. Под ним белые боксеры с хот-догами. И длиннющие ноги с каменными мышцами. Отец его каждое утро гоняет по городу на велосипеде.

– Не понял? – выдает он, прокашлявшись, аж голос потерял, и поднимает на меня огромные глаза. Зрачки в них перекрыли весь золотой ореол, кажется. Все теперь черное.

– Что непонятного? – я провожу руками сверху вниз вдоль своего тела, затем левой хватаюсь за лямку бюстгальтера, а правой – за резинку трусиков. – Давай сделаем… – вдыхаю весь воздух, который могу захватить, чтобы произнести то, чего больше всего боюсь, – …это.

Слава сглатывает и улыбается наискосок. Господи, обожаю. Таю, как… безумная фанатка. Век бы на это смотрела. Но он не позволит. Завтра уедет. Оставит меня навеки одну с неумолимой тоской.

– Блин, так все внезапно, – он чешет шею и смотрит куда-то вниз и в сторону. – Я не готовился.

– Я тоже, – вру, я ведь выбрила на себе все, до куда смогла достать. Даже в интимной зоне.

Мы оба бегаем глазами друг от друга по кругу, но украдкой касаемся взглядами. Слава краснеет, улыбаясь. Поднимает полотенце и аккуратно кладет его в кресло, вставая ко мне спиной. Я разглядываю его выпирающие позвонки на шее, рельефные крылья, острые лопатки, впалый позвоночник, узкую поясницу. Все такое вроде родное и в то же время неведомое, зато жутко притягательное. Смотрю на него и почти не узнаю. Плечи за год разрослись, и к росту, наверное, полголовы прибавилось. Я для него теперь совсем коротышка. Все это время не обращала внимания, как он меняется. Пока он был постоянно рядом.

– Ты уверена? Я ведь уезжаю, – он оборачивается резко и смотрит мне в самое нутро, я аж тушуюсь и стягиваю плечи.

– Именно, – отвечаю шепотом. Но в комнате так тихо, что Слава должен все отчетливо слышать.

И он слышит. Идет ко мне решительно и хватает за голову обеими руками. Наклоняется и дышит судорожно. Ментоловое дыхание охлаждает мои румяные щеки. Сердце в огне. Вся кровь кипятком изнутри меня шпарит. А внизу скапливается желание. Становится таким тяжелым, довлеющим. Особенно, когда Слава так близко и водит носом по моему лицу, почти не касаясь. Очень нежно.

– Спасибо, Лерыш, – шепчет у самых губ.

Я не выдерживаю первой и целую его со всей страстью, которую успела накопить, пока его ждала. Мы валимся на кровать. Слава вжимает меня в пружинистый матрас, оттягивая руки наверх, а сам целует шею и ключицу. Уже не нежится, а хватает жадно. С каждым поцелуем словно откусывает часть меня. И я только рада ему отдаваться. Хочу насытить его собой дополна.

Поцелуи снижаются. Лифчик летит на пол. Следом и трусики. И Слава свои снимает и вдруг отлипает от меня, тяжело дыша.

– Папа строго наказал мне пользоваться презервативом, – объясняет и тянется к тумбочке. Выдвигает нижний ящик и достает оттуда целую упаковку в пленке. Долго не может ее открыть. Я слежу за ним на приподнятых локтях, раздвинув ноги. Само собой получается. Только когда Слава бросает туда взгляд, между, вспыхиваю и сжимаюсь. Мы оба краснеем и отводим глаза.

– Ты невероятно красивая, – он нависает надо мной. В глазах зажигается золотое свечение и одаряет меня своим теплом.

Я не выдерживаю первой и целую его со всей страстью, которую успела накопить, пока его ждала

Под утро мне кажется, что я уже все пережила и перечувствовала, и все равно нам обоим не хочется это заканчивать. Хочется продлить эту ночь. К ней бы подошла песня МакSим – «Лучшая ночь».

Глава 4

Слава будит меня прилипшим чмоком в щеку. Смеется и бурчит, не отрывая губ, как будто из скафандра со мной разговаривает, но я разбираю четкое «Лерыш» и «вставай». Мне хочется понежиться, потому что мозг еще в отключке. Не знаю, сколько, но спала я однозначно мало.

Воспоминания о прошедшей ночи накрывают меня далеко не сразу, поэтому я сперва ворчу, отпихивая Славу, и только спустя пару минут все осознаю, словно просветление испытываю. Тогда обхватываю его обеими руками и валю на кровать. Мы оба хихикаем заговорщически – теперь у нас есть общий секрет, самое сокровенное, разделенное на двоих.

– Лерыш! – Слава пытается отбиваться, чтобы встать, но я знаю его слабые места и щекочу там. У него очень чувствительные бока. Он брыкается и хохочет в полный голос. – Блин, Лерыш, ахахах, садюга, перестань. Ахаха. Я щас разнесу тут все.

Слава дрыгает ногами наотмашь – реально разнесет. Под нами кровать опасно щелкает и скрипит. Даже во время секса так шумно не было.

– Сам виноват, разбудил лихо, – я кладу его на лопатки полностью и сажусь сверху победительницей. Тянусь, зеваю. А Слава замер и смотрит. С застывшей улыбкой на губах и в глазах. В ней много грусти. Меня мигом наполняет тоска.

Точно. Он же сегодня уезжает.

Я каменею и опускаю руки на его грудь. Мы долго смотрим друг на друга – запоминаем. Пока тишина не становится настолько оглушительной, что разрывает душу. Слава сглатывает и заправляет мне волосы за ухо.

– Я буду скучать, – его голос ломается, становится более низким, заряженным печалью.

– Я тоже, – сама едва говорю и перехожу на шепот. – Даже если ты – предатель.

Он корчится от досады.

– Блин. Прости. Я просто… очень хочу туда. И тебя очень хочу.

– Туда, очевидно, больше, – я опускаю плечи и отворачиваюсь к окну. Там виден утренний город, его разноцветные многоэтажки и зеленый густой парк вокруг. Сплошная зелень закрывает горизонт. Солнце бьется в стекла жаркими лучами.

– Просто… возможности сюда не приедут. А мы ведь можем не расставаться.

Слава аккуратно поворачивает мое лицо за подбородок пальцами. Они теплые, и мне приятно. Я повинуюсь, а взгляд все равно прячу. Не даю себе пропасть в этих зеленых глазах с золотым свечением. И упрямо молчу.

– Ты ведь тоже можешь туда поступить. Нам всего год протянуть. Время же ваще летит. Я буду часто приезжать.

– Не хочу я в Москву! Мне и здесь хорошо, – руки на груди не скрещиваются, а скручиваются.

Слава вздыхает.

– Деготь вон непонятно, где служить будет. Они целый год не увидятся. Но Ксю обещала его ждать, – особенно последнее предложение звучит с претензией.

Он *меня*еще укоряет? Что я не хочу жить без него?

Я мотаю головой и жмурюсь.

– Лерыш, давай хотя бы попробуем, а? Я буду звонить тебе каждый день. А через месяц приеду на выходные. Посмотрим, как мы продержимся этот месяц, хорошо? И там решим.

Ох, уж эти ложные надежды. Я-то по-любому буду тебя ждать. Буду жить от звонка до звонка. А ты там тусить и знакомиться с новыми людьми. Неизбежно. Новый город, универ, общага – и везде толпы красоток. Да у тебя будет тысяча причин обо мне не вспоминать! Это у Дегтя в армии никаких соблазнов. Конечно, Ксюня его туда легко отпускает.

– Лерыш, – Слава смотрит так жалобно, выглядит очень милым. Глаза большущие, губы – в линию, брови сдвинуты. Господи, как его не любить? – Пожалуйста, Лерыш, ответь, когда я позвоню из Москвы.

Я вскидываю лицо к потолку и хватаюсь обеими руками за шею.

– Ты сначала позвони, а я решу, отвечать или нет, – мне хочется звучать гордо, а получается обиженно. Все надулось внутри, ни лопнуть, ни пробить. Очень плотно, оттого невыносимо.

– Ладно, – Слава вздыхает и опускает тяжелый взгляд.

Дурак, конечно, я отвечу! Всегда отвечала и буду. Я ведь живу только ради твоего взгляда, всегда жажду твоего внимания, обожаю тебя, как бога.

И кажется, это неправильно…

Слава смотрит – и солнце восходит, уводит глаза – и снова ночь. Как это в себе перебороть?

Я мотаю головой отчаянно и слезаю с него.

Мы одеваемся и выходим из комнаты. Слава, держа за руку, ведет меня за собой на кухню, откуда слышны голоса остальных.

Я с каждым шагом краснею на один тон больше, потому что понимаю, что не перебегала в Ксюнину комнату, и его родители наверняка все поняли. Но Слава улыбается широко. Кажется, его ничто не смущает. А мне страшно… Одного строгого взгляда Олега Михайловича хватит, чтоб сердце остановилось.

У меня ноги подкашиваются, когда мы подходим к кухне, и я крепче хватаюсь за Славину руку. Он смотрит на меня подбадривающе и входит. Все трое на нас оборачиваются. Ксюня глядит с хитринкой, едва держит ухмылку в узде, а родители… на удивление спокойны. Улыбаются приветливо, никакого осуждения в глазах.

– Наконец-то проснулись! – восклицает Елена Анатольевна и встает из-за стола, чтобы наложить нам еды. – Лера, ты чай будешь, как обычно?

– Ага, – я киваю ошеломленно. Все еще красная, наверняка. И откидываю волосы назад – даже не собрать, ведь резинку не взяла. – Спасибо.

Славина мама тут же достает френч-пресс и сыпет туда черные листья, заливая смесь кипятком. В их семье чай пьют только гости, но всегда есть упаковка наготове. Я сперва сопротивлялась, а потом привыкла, что каждый раз чай Елене Анатольевне приходится заваривать специально для меня.

– А я кофе буду, – добавляет Слава и тянет шею в мамину сторону. Я знаю это хитрое выражение лица – он надеется, что она и ему приготовит.

– Скажи громче, Алиса[1] не расслышала, – смеется Елена Анатольевна, кивая на умную кофемашину, которая управляется голосовым помощником и которая пока не способна сама добавлять кофе в лоток.

Я хихикаю.

– Блин, – Слава вынужден подняться со стула, в котором уже так удобно расположился, и добавить ингредиенты для кофе самостоятельно.

– Лер, ты же с нами поедешь провожать Славку? – Ксюня намазывает на черный хлеб белый сыр и на меня не смотрит. – У него поезд через два часа.

Я еще об этом не думала, потому стопорюсь на секунду. Тут же ловлю Славин настойчивый взгляд. Именно такой. Он давит на меня глазами, прям требует, чтобы я кивнула, и я киваю.

– Отлично, – улыбается Ксюня и кладет поверх сыра помидор и салат. – Нам же потом еще в драмкружок. Вместе тогда и поедем.

Мне остается только согласительно промолчать. Поняв, что домой я попаду только вечером, я разблокирую смартфон. Мама, не дозвонившись, еще вчера написала в мессенджере:

«Ты у Славы?». А еще через полчаса: «Хоть Ксюня мне отвечает. А ты пропащая», и смайлики. Игнорируя все предыдущее, я предупреждаю, что вернусь вечером.

И все-таки хорошо, что Марина Антоновна запрягает нас в мастерской. У меня будет меньше времени скулить по Славе. И Ксюня рядом не даст мне размазывать сопли.

Слава садится сбоку уже с кофе и делает первый глоток. Весь расцветает от вкуса, а потом целует меня в щеку. Просто так. Я невольно расплываюсь в улыбке и тоже его чмокаю. Родители стараются на нас не смотреть, а Ксюня слишком увлечена бутербродом.

– Пожалуйста, – Елена Анатольевна ставит передо мной горячий чай. – Лер, не стесняйся, бери, что хочешь.

– Спасибо большое.

Я оглядываю яства на столе. У Бархатовых всегда пир горой, по сравнению с тем, как питаются в моей семье. С папой, конечно, еда стала разнообразней. Он, оказалось, неплохо готовит и даже стряпает, но рацион все равно скудный, если сравнить со здешним. Куча закусок, отечественных и заморских, разные хлеба, сыры, шикарные блюда с интересными приправами и добавками. Елена Анатольевна вообще отлично кулинарит и по профессии повар, правда, практикует только дома.

Я на ее «щах» даже поднабрала и округлилась. Бабушка этим летом заметила. Она видит меня раз в полгода и всегда удивляется моим изменениям. И все равно я до сих пор мелкая и почти без груди. А в Москве сисястых и длинноногих красоток, наверное, пруд пруди. У Славы глазки разбегутся.

Акргх! Хватит себя накручивать!

Я жмурюсь на секунду и делаю глоток успокоительного чая.

– А ты посмотрел, где общага-то находится? – Олег Михайлович ставит чашку с черным кофе на стол и смотрит на Славу требовательно или с легким беспокойством.

– Да, на Студенческой, – Слава выдает смешок. – Это и метро, и улица так называется. Не окраина, и не центр. Норм.

– Надеюсь, там нет клопов, – вздыхает Елена Анатольевна и подвигает мне пиалу с зефирными шариками поближе. Видимо, заметила, как я тяну к ним нос.

Я хватаю сразу три и откладываю на край тарелки, наполовину уже забитой драниками и рыбой.

– Да нормальная там общага, – вступается Ксюня, откидывая косички назад. – Я фотки посмотрела. Вполне прилично. Даже прачечная есть и тренажерка.

Олег Михайлович одобрительно кивает.

– Тренажерка – это хорошо. Славун, занимайся там, не бросай. В нездоровом теле и дух нездоровый.

– Да буду, буду.

Я замечаю, как Слава, сильно опустив голову, закатывает глаза, и улыбаюсь. Знаю, как он будет. Если бы не отец, он бы с микшером спал в обнимку. Уверена, ничем кроме музыки, Слава там заниматься не станет. Хоть бы учился. Я, кстати, даже не знаю, на какую специальность он поступил, и решаю сразу его спросить. Вдруг потом не представится возможность.

– Программа называется «Управление в аудиовизуальных индустриях». Только в московской Асишке[2] такая есть, – у Славы аж глаза загораются. – Короче, это на стыке музыки и видео, фестивали всякие крутые смогу устраивать. «Тумороулэнд»[3] будет нервно курить в сторонке, когда я выпущусь.

Мы все втроем смеемся. Дальше Слава много рассказывает об этой программе и мечтает о перспективах, которые его ждут. Он, действительно, сильно воодушевлен. О Питерской программе он так не отзывался. Только почему-то со мной Слава не делился своими мечтами. То есть мечтами как раз делился, а реальными планами – нет. Мне даже обидно. Я ведь думала, что достигла с ним близости на уровне семьи, а, оказывается... Все это знали, а я даже не слышала.

Целый час уходит на завтрак. Родители допрашивают Славу по учебе и всяким бытовым вопросам, проверяют, все ли он собрал, дают указания, как действовать в Москве, чего опасаться, о чем позаботиться в первую очередь.

Я за Славу не переживаю. Он ответственный, коммуникабельный, уверенный в себе – точно не пропадет, точно не в Москве, где миллионы жителей. Мне кажется, из любой передряги его вытащит либо язык, либо талант, либо харизма. Родители тоже наверняка это знают, но, видимо, не могут не беспокоиться.

После завтрака, оставив грязную посуду на столе, мы все быстро собираемся и выдвигаемся к вокзалу. У Олега Михайловича большая машина, вместительная. Даже втроем, я, Слава и Ксюня, мы на заднем сидении помещаемся вольготно. Едем недолго, но я ловлю каждую минуту, чтобы успеть наобниматься со Славой. Липну к нему, как жвачка. И вдыхаю поглубже его аромат «Love is», чтобы запастись, хотя бы ненадолго. Он целует меня в голову и гладит по руке. Мы друг на друга не смотрим, но у меня стойкое ощущение, что все равно видим друг друга. Странное и приятное чувство.

Поезд уже ждет на пути, когда мы приезжаем на вокзал. Слава идет первым и останавливается у своего вагона. Отправление через пять минут.

На перроне висят старинные часы с фигурными стрелками и римскими цифрами. Я отсчитываю секунды, как будто жду взрыва. Или конца света.

Да, так и есть. Слава, мое солнце, вот-вот зайдет в темный вагон и пропадет за горизонтом, погрузив меня в долгую ночь. Даже в Заполярье не так уныло, как у меня внутри.

– Ну все, – Слава произносит это легко и с улыбкой, а мне слышится судейский приговор к смертной казни. – Не скучайте тут.

Он оглядывает всех по очереди, на мне останавливается и вздыхает. Ксюня первой кидается его обнимать.

– Ты там без нас не скучай.

Слава крепко ее обхватывает и приподнимает. Оба смеются. Потом Елена Анатольевна закутывает его в свои материнские «крылья» и целует несколько раз в щеку.

– Давай, сынок. Устройся там хорошо. Документы держи при себе. От вокзала на такси езжай. Не таскайся с чемоданом по метро.

– Да, конечно, – Слава улыбается.

Мама еще долго не выпускает его из объятий. Глаза краснеют. Когда Слава отходит к отцу, она незаметно утирает слезинки.

– Ну, Славун, хорошего пути тебе, – говорит Олег Михайлович, стискивая Славу. У него руки мощные, и переломать могут, но Слава сам уже крепок и широк, держится, хоть и ворчит:

– Па, задушишь.

– Терпи. Что нас не убивает, делает нас сильнее. Твоя музыка же закалила мой слух, – басит Олег Михайлович, но в голосе есть нотки шутливости.

Елена Анатольевна с Ксюней смеются. А я молча соглашаюсь. Наверное, это прощание со Славой меня не убьет, значит, сделает сильнее.

– Да вы только и ждали, когда я уеду, – Слава отпихивает отца и отворачивается к поезду.

– Разумеется, хоть спать теперь будем нормально, – подхватывает Елена Анатольевна.

Все улыбаются. А я не могу. Сжимаю губы до боли, кажется, сейчас раздавлю, и брызнет кровь. Но это все равно не перекрывает тоску, которая вырезает во мне дыру. И та все ширится и ширится. Чем ближе отправление поезда, тем больше во мне пустоты.

Наконец, Слава обращает и на меня внимание. Золотое свечение в его глазах гаснет. Уголки губ опускаются. Ничего не говоря, он хватает меня за голову и целует. Неприлично страстно, недопустимо долго. Гремящий голос просит провожающих покинуть поезд. У нас очень мало времени остается, но мы не можем оторваться друг от друга.

Боже, какой он сладкий и нежный. Когда теперь я смогу насладиться этим вкусом? И снова испытать то, что познала этой ночью.

Всю грудь от этого щемит.

– Я позвоню, как доеду. Сразу, – шепчет Слава, не отрывая губы от моих. – Только ответь, пожалуйста.

– Все, Славун, пора, а то поезд без тебя уедет, – торопит его Олег Михайлович.

Я делаю судорожный вздох и киваю, глядя в родные глаза.

– Я тебя люблю, – очень тихо произносит Слава, чмокает меня в кончик носа и улыбается.

В шоке я не успеваю ему ответить. Сквозь слезы вижу, как он запихивает чемодан в вагон и прыгает следом. Из двери машет нам рукой, счастливый.

Внутри меня все расцветает и искрится. Радуется и грустит одновременно.

Поезд трогается. И вместе с ним по рельсам со скрипом ускользает моя любовь, первая и последняя. Я в этом убеждена.

[1] Алиса – голосовый помощник от компании Яндекс, которым можно управлять смарт техникой.

[2] Академия современных искусств (АСИ) – вымышленное высшее учебное заведение

[3] Tomorrowland (Тумороулэнд) с англ. «Страна завтра» —один из крупнейших мировых фестивалей электронной музыки, который проводится в бельгийском городе Бом.

Глава 5

Я рыдаю всю дорогу до мастерской. Ксюня понимающе молчит и иногда поглаживает меня по плечу. Мне даже не стыдно перед людьми: в метро, в автобусе, на улице. Все оборачиваются на мой рев, но пофиг. Я не могу держать это в себе. Хорошо хоть при Славе не разрыдалась, дала ему спокойно уехать.

– Да вы через месяц уже встретитесь, – наконец, Ксюня решает заговорить, уловив заминку в моих рыданиях.

Мы проходим по школьному двору. Я вытираю слезы подолом платья, потому что больше нечем. Пора уже успокоиться и взяться за работу. Марине Антоновне мое нытье не нужно.

– Посмотрим, – мне все кажется таким зыбким.

Хотя Славино признание вселило в меня надежду. Он впервые именно так сформулировал – люблю. Мы такие громкие слова вслух еще не говорили.

– Тем более, вы же это… да? Ночью? – в Ксюниных огромных глазах снова искрят хитринки, с которыми она встречала нас за завтраком.

Я смущаюсь и слабо улыбаюсь.

– Так и знала! – она аж подпрыгивает на радостях, а потом прижимается ко мне сбоку, хватая за плечи, и шепчет по-шпионски. – И каково это? Больно было?

Приятные воспоминания немного приглушают тоску, и я охотно делюсь с Ксюней впечатлениями от первого раза. Она краснеет и хихикает, но слушает внимательно.

– Я решила, что перед Ваниным уходом в армию тоже сделаю ему подарок, – она накрывает пол-лица ладонью и поджимает плечи к голове. – Только Славе не говори.

Мне смешно, но я с пониманием закрываю рот на невидимый замок.

В мастерскую я прихожу, уже не плача. А за работой и вовсе отвлекаюсь. Все-таки покраска мебели требует концентрации. Я стараюсь думать только о настоящем моменте, чтобы никакие другие мысли в голову не лезли, хотя бы не выходили на передний план. И Ксюня меня развлекает разговорами о сериале, который сейчас смотрит. Там такие страсти кипят, что я невольно заслушиваюсь. Даже хочется самой посмотреть, но не интересно, когда полсезона уже знаешь со слов. Меня в Ксюне это бесит: так увлечет чем-нибудь и заспойлерит все, а я потом страдаю. Но сейчас я ей благодарна.

Через пару часов Марина Антоновна нас распускает, чтобы мы не дышали краской слишком долго. Просит прийти завтра опять. И мы разбегаемся. Ксюня торопится на свидание с Дегтяревым, и нам приходится прощаться у калитки. Ваня уже ждет ее на углу. Мы с ним обмениваемся вялыми взмахами рук.

Зато Валентин меня настигает, не успевает Ксюня добежать до своего парня.

– Ты как? – спрашивает он с тревогой в голосе. Редко его вижу таким взволнованным. Васильковые глаза всегда кажутся мне холодными, но сейчас в них тепло – жалость, которая меня пристыжает.

Я провожаю Ксюню и Дегтярева за угол и увожу взгляд в асфальт. Там ползают муравьи по одному. Мне даже любопытно, куда.

– Нормально, – отвечаю нехотя, потому что лгу.

– У тебя глаза до сих пор красные.

Блин. Выворачиваю шею, чтобы он больше не смотрел. Вижу его самокат на парковке под деревьями. Вспоминаю, что свой оставила у Ксюни. Надо его забрать и укатить далеко. Не хочу быть с кем-то, когда Слава позвонит. Буду ездить по улицам в одиночестве и ждать его звонка. Проветрюсь заодно.

Валентин касается моего плеча осторожно и заставляет обернуться на себя.

– Ты домой? – спрашивает типа непринужденно, а сам так смотрит на меня, в упор, как будто специально ждет, когда я опять разрыдаюсь.

– Нет, мне туда, – и показываю в сторону дома Бархатовых.

Мне не хочется сейчас разговаривать. Я даже рада тому, что надо возвращаться за самокатом и не придется идти с Валентином, терпеть его жалость.

– Отлично, и мне туда.

Ну, что за?

Я кошусь на него неодобрительно, пока Валентин этого не замечает, но прогнать его напрямую мне не хватает смелости, поэтому я плетусь вперед с понурой головой. Он отстегивает самокат от парковки и ведет его за собой, идя рядом.

– Слава уехал, да? – спрашивает через паузу.

Я киваю. Опять ком застревает в горле – говорить не получается. Зря я вообще Валентину проболталась.

– И как вы… дальше? – он поворачивает ко мне вопросительное лицо и долго ждет ответа, которого у меня нет.

Я молча пожимаю плечами. Валентин вдруг останавливается и разворачивает меня к себе за руки. Смотрит так проникновенно в глаза, которые я широко раскрываю от удивления.

– Выговорись! – заявляет он с чувством. – Тебе полегчает.

– Да что с тобой? Нормально все, сказала же, – я пытаюсь высвободиться, но Валентин крепко меня держит за локти, а через секунду выдыхает и опускает плечи.

– Просто… хочу тебя поддержать. Не люблю, когда ты такая.

Он смотрит вниз и плющит губы в недоулыбке. Я выдавливаю смешок. Сколько его знаю, а Валентин все равно кажется мне странным. За последний год мы сдружились сильнее, чем за пять лет до этого. Теперь и он со мной откровенничает, рассказывает про своих родителей, у которых тоже куча загонов. Там вся семья кринжовая, Валентин – лишь верхушка айсберга. И мне его жаль. Он бы, может, и хотел быть другим, но уже не будет. И кажется, потому именно в актерстве и нашел себе отдушину. На сцене он идеален и четко знает, как действовать.

– Спасибо, Валя. Это очень мило, – я кладу руку ему на плечо и улыбаюсь.

– Ну, правда, выскажись. Так же работает психотерапия. Само проговаривание проблемы уже помогает с ней справляться. У тебя сейчас много плохих эмоций. Нужно дать им выход, – Валентин, как всегда, рассудителен. – Я тебя выслушаю. Ты же меня слушаешь.

– Да брось, ты мне за это ничего не должен, – меня даже пробивает на смех, искренний. Валентин забавен.

Я пытаюсь двинуться дальше, но он хватает меня за запястье и выдает запальчиво.

– Должен. И хочу это отдать. Тем более, мне тоже плохо, когда тебе плохо.

Ооо, как это… трогательно. Мне даже самой хочется поддержать Валентина. Он так жалостливо поднимает брови и такие глаза делает, что невольно умиляешься. Редко я вижу его таким… уязвимым, что ли. То есть, я знаю, что он всегда слаб, на самом деле, но носит защитную маску с напускной крутостью. Оттого моменты без этой маски получаются совсем теплыми.

Я обнимаю его. Самой тоже хочется немного утешиться. Почувствовать, что кому-то не все равно. Приятнее вдвойне, что на остальных Валентину как раз плевать, а я ему, действительно, стала другом. Чуть расслабившись, я даже кладу голову ему на плечо. Он гладит мои волосы.

Вдруг чувствую притяжение. Валентин сжимает меня крепче и одной рукой касается моего лица. Я только успеваю поднять голову, как он чмокает меня в губы. Первую секунду я в ступоре. Не шевелюсь. Даже глаза не открываю.

Че происходит?

Но когда он пытается поцеловать по-настоящему, я толкаю его со всей силы.

– Ты офигел?! – возмущение из меня бьет фонтаном. Я вытираю губы тыльной стороной ладони. Не то чтобы Валентин противный, но это было мерзко. – К-какого черта?

Меня так распирает злость, что я даже на месте стоять не могу ровно, делаю полшага назад, потом вперед, налево и направо, хожу, как заведенная.

– Валя, что это было? Я же Славу люблю!

Валентин жмурится и накрывает лицо ладонью. Ничего не говорит и застывает так. Я хожу туда-обратно, положив руки на пояс. Дышу тяжело. Остужаю возмущенную душу и разбитое сердце.

Господи, да что со мной не так? Слава оказался прав. Я, как последняя дрянь, побежала утешаться в объятия Валентина. Не зря он к нему придирался. Блиин!

Обежав настороженным взглядом улицу и школьный двор, убеждаюсь, что никого рядом нет. Сейчас еще каникулы. Драмкружковские все давно разошлись по домам. Ксюне с Дегтяревым точно не до меня.

– Короче, Валя, нам не надо общаться, – я выставляю стоп-жест рукой и разворачиваюсь, чтобы уйти, пусть и в другую сторону, главное, отсюда. Доберусь до Бархатовых окольными путями.

– Нет-нет, подожди, – Валентин догоняет и хватает за руку. Смотрит круглыми глазами. – Прости, пожалуйста, я… плохо поступил. Этого не повторится.

– Валя, это дичь! Мы со Славой не расстались. Он просто уехал. А ты сразу… Я думала, мы – *друзья*! – каждое мое слово звучит громче и четче, с нажимом и претензией, вбивает Валентина в землю, словно кувалдой. Он вздрагивает и закусывает губу. И пусть. Теперь мне совсем его не жалко. Заслужил.

– Да, Лер, прости. Глупо получилось. Просто… – Валентин сжимает мою кисть почти до боли. – Ты мне нравишься ведь. Очень.

Вот что он так смотрит? Чего хочет от меня? Да как это вообще в его голове укладывается? Слава еще до Москвы доехать не успел, а я уже его должна полюбить? За одну обнимашку и готовность выслушать? Да он чокнутый!

Блин, я же знала, что Валентин странный. Капец ситуация. Вселенная, когда тебе уже надоест надо мной измываться?

– Я обещаю, что больше не буду, – Валентин не дает мне вырвать руку и, кажется, сейчас расплачется. Только этого не хватало. – Я же весь этот год хорошо держался. И еще продержусь. Только давай общаться. Как раньше. Пожалуйста.

Моя жизнь – сплошной трэш. Хочется просто свалиться в кровать лицом в подушку и задохнуться уже.

– Ладно, все. Окей. Отпусти только.

Я, наконец, одергиваю руку и резко разворачиваюсь, чтобы поскорее отсюда смыться.

– Так мы общаемся? – слышу в спину.

Сейчас у меня нет моральных сил на Валентина. Завтра, может, найдутся. Короче, потом поговорим. Достало все. Я молча ускоряюсь и быстро сворачиваю за здание.

Блин, Слава позвонит, а я буду в паршивом настроении. Надо же так. Аркгх!

Но Слава не звонит. Проходит день. Проходит ночь. Неделя. Месяц. Год.

Глава 6

Оказывается, без Славы можно существовать. Вполне себе. Даже смеяться иногда и залипать на красавчиков в школе. Правда, быстро терять к ним интерес, поняв, что они – не он и даже не похожи.

Подготовка к ЕГЭ и поступлению помогают мне держаться. Папа весь год учит меня азам рисования и другим необходимым художнику знаниям для вступительного испытания. Оказывается, выводить четкие линии на бумаге или в фотошопе[1] не так-то просто. Ненабитой рукой выходят только дрожащие каракули. Зато с цветом и композицией дела идут гораздо лучше. Папа говорит, что я интуитивно чувствую эстетику, и гордится собой, типа мне от него перешло, вместе с генами.

Учеба – отличная терапия. Мозг набивается кучей новой информации. Плохие мысли сами собой вытесняются. Я почти уже не плачу по ночам, когда думаю о Славе и мучаюсь вопросом, почему он не позвонил тогда.

Мне долго казалось, что дело могло быть в моем поцелуе с Валентином. Хотя нас никто не мог там видеть, вроде как. И Ксюня об этом ничего не знает. И я Валентина сразу отшила. Если бы Слава узнал, он как минимум спросил бы меня обо всем, и я бы ему рассказала правду. Но он даже не захотел спросить, значит, я была ему не важна. В конце концов, он получил от меня все, что мог. Я ведь полностью ему отдалась. Наверное, прибыв в столицу, понял, сколько красавиц упускает, и решил просто слиться. Даже объясняться не пришлось. Удобно.

Мне достаточно знать, что он благополучно добрался до Москвы и успешно прошел первый курс. Ему так понравилось, что он даже на лето не стал возвращаться, а остался там диджеить в ночном клубе. По крайней мере, семье он именно так объяснил свой неприезд. Поэтому Бархатовы, все втроем, ездили к нему в Москву на пару недель, как ездили и на Новый год. Слава сам за год в Питере ни разу не появился. Или я об этом не знаю. Мне теперь не положено.

Я тоже Ксюне запретила говорить ему обо мне, хотя уверена, что он и не интересовался. Мы уже с полгода его не обсуждаем. Или больше. Вообще никак не упоминаем то, что было. Мне до сих пор больно, а ее достало. Первый месяц она пыталась заставить нас со Славой созвониться. Но он игнорировал все ее просьбы и легко распознавал уловки. А я тупо смирилась с тем, что Слава не хочет меня ни слышать, ни видеть. Утешаюсь только тем, что поговорить он со мной не захотел, потому что ему все-таки стыдно.

Но гештальт остался. И мне требуется его закрыть. Поэтому я поступила в тот же вуз, на тот же факультет, только выбрала другую программу, куда смогла сдать вступительные: «Дизайн и современное искусство». Не думала, что пройду творческое испытание, боялась, что моя инсталляция из пенопласта и ваты будет выглядеть потешной, но мне повезло. И вот я тоже еду в Москву.

Мама не хотела меня отпускать, но папа ее уломал. Больше меня никто в Питере не держит. Бабушке в принципе без разницы, откуда я буду к ней приезжать.

Проницательная Ксюня сразу разгадала мой план.

– Конечно, ты по несчастливой случайности поступила в тот же универ, – усмехается она. – Сам-знаешь-кто тут совсем ни при чем. Тебе же так на него пофиг, что мне теперь и имя его всуе произнести нельзя.

Я давно заметила, как в Ксюне укореняется сарказм. Да она вообще язва в последнее время! Не говорит, а жалит. И сразу по сердцу.

– Да. При чем, – выжимаю из себя с задетой гордостью и кидаю камушек в пруд.

Это наша последняя покатушка перед моим отъездом. Я Ксюне немного завидую. У нее еще целый год прежней жизни, без перемен, переездов и отчаяния. А мне страшно. Здесь – все, а там – ничего. Один Слава, который не хочет меня знать.

И все же Ксюня безусловно права. Я еду туда именно из-за него. Просто хочу уже поставить точку, чтобы больше не мучиться неизвестностью. Надоело гадать, почему Слава меня бросил. Хочу услышать от него, даже если это будет обидно.

Пусть специальность не совсем та, что я хотела. На реквизиторов, вообще, оказывается, мало где учат. А тут хоть что-то близкое. И престиж. Пол-ляма за год обучения. Такие деньги мы втроем, мама, папа, я, кажись, за пять лет бы не заработали. А за счет государства можно и поучиться. И папа похвалил содержание программы. Говорит, не стандартная для классических живописцев, там я смогу свои бутафорские навыки развить и не только.

– Наконец-то, призналась, – Ксюня закатывает глаза. – И на что ты надеешься?

– Ни на что, – я взмахиваю руками. – Просто хочу, чтобы он мне в лицо все сказал. А то свалил и забил, трусливое динамо.

– Вообще, загадка, конечно, какая кошка между вами пробежала. Слава обычно так себя не ведет. Мне кажется, это ты его чем-то обидела.

– Да чем? – я тут же вспоминаю Валентина и тот гадкий поцелуй, но мысленно встряхиваю голову. Ксюня до сих пор не знает. Никто не знает. Мы с Валентином общаемся, как общались, когда Слава еще был здесь. Он сдержал слово, больше не приставал ни разу. Но мне все равно стыдно, поэтому хочется отогнать от себя подозрения. – Ты просто брата защищаешь. А он, очевидно, как все – поматросил и бросил.

В конце концов, спустя год тишины это больше походит на правду, чем обида на один дурацкий поцелуй.

Ксюня фыркает. Устала от моего нытья. Я сама от него устала. Не хочу больше гнобить себя обидой. Я, наверное, почти его простила.

Мама говорит, что в восемнадцать лет у парней гормоны, сперматоксикоз и просто ветер в голове. Что лобные доли, которые делают нас сознательными и ответственными взрослыми, окончательно формируются только к двадцати пяти годам, поэтому молодежь такая безбашенная. А папа добавляет, что вообще только к тридцати пяти нагулялся. Типа парням нужно попробовать много и разного, чтобы найти то самое. Он и мне советовал не ограничиваться одним Славой, что в мире достаточно хороших людей, что тоже надо пробовать и выбирать.

Я решила, что так и сделаю. Вот приеду в Москву, получу от Славы отворот-поворот в лицо и пойду пробовать новых.

– Не смей ему ничего говорить, – грожу Ксюне пальцем.

– Да он и слушать не станет.

Я сникаю и выдергиваю пучок травы из газона. Не знаю, чем мне этот сорняк не угодил. Наверно, слишком на меня похож – такой же ненужный.

Несколько минут мы молчим. Вода всегда завораживает. Обычная рябь, блики заката на поверхности, фиолетовое небо в отражении, а смотрится эффектно. Природа эстетична по своей сути, говорит папа, просто не каждому дано это видеть. Он сам и в луже найдет красоту. Наверное, это талант и есть. Я учусь у него смотреть на мир глазами художника. Стараюсь подмечать детали, которые вроде на поверхности, но так обыденны, что не замечаемы. А у папы всегда найдется нестандартный ракурс. Мама этим восхищается.

– А у него там… есть… девушка? – я спрашиваю тихо, будто боюсь Ксюню спугнуть.

Она смотрит за горизонт и не поворачивает ко мне головы.

– Не знаю. Славка не рассказывает. Он вообще какой-то скрытный стал.

– Что, за две недели ни одна девчонка не засветилась?

– Да рядом с ним всегда какие-то девчонки. Но это ничего не значит же. При мне, по крайней мере, он ни с кем не целовался.

В голосе Ксюни слышится раздражение. Ей надоело быть медиатором между нами. Я ее прекрасно понимаю и затыкаюсь.

– Приедешь, разберешься сама, – Ксюня поднимается и отряхивается. – Погнали, еще прокатимся, пока не стемнело.

Я охотно соглашаюсь. Хочется очистить мысли перед долгой дорогой.

Прощаемся мы тоже без соплей – Ксюня такое не любит. Хорошо хоть позволяет себя наобнимать вдоволь. Я ее, наверное, минут десять держу в тисках перед тем, как навсегда отпустить.

Такой подруги у меня, наверное, тоже уже никогда не будет.

– Да встретимся ведь еще, – смеется она, отпихивая меня за плечи. – Все, пока, счастливого пути. Созвонимся, когда там устроишься.

Я только киваю, и то осторожно, чтоб не выронить слезинки, которых уже много накопилось.

Папа настоял на том, чтобы отвезти меня в Москву на автомобиле. Специально арендовал вместительный джип, куда влез здоровенный чемодан, пара спортивных сумок, ноутбук и даже самокат.

– Да я бы на поезде нормально доехала, – ворчу перед тем, как сесть в машину.

– Ага, а как бы ты это тащила?

– Да взяла бы просто меньше вещей. Зачем мне столько?

Я оглядываю недовольно груду наваленного в багажнике.

– Все пригодится. Неизвестно, что там в общежитии есть и в каком состоянии, – мама скрещивает руки на груди, и папа закрывает заднюю дверцу.

Ох. Я даже не уверена, что у меня в комнате будет место, куда все это распихать. Ладно, если что, балласт выброшу.

– Нам пора, – говорит папа и подходит к маме, чтобы ее чмокнуть.

Она с самого утра не в настроении. Все дергает резко, роняет предметы, ругается.

– Вот что тебе так в Москву приспичило? – опять начинает. Все лето слышу одну и ту же шарманку.

Здесь тоже много качественных вузов. Есть интересные программы. Не надо жить в общаге. И не придется расставаться с друзьями. И семьей.

– Ма, – укоряю ее взглядом. Ну, договорились же вроде. Что опять?

– Ладно, ладно. Ты уже взрослая. Делай что хочешь. Не жалуйся только потом, как тебе там одиноко и тяжело.

Мама вздергивает подбородок.

– Мне жалуйся, – смеется папа.

Я первой иду на примирение и обнимаю маму крепко. Понимаю, что долго ее не увижу и даже по этому ворчанию буду скучать. Глаза слезятся. Мама быстро оттаивает и целует меня в голову, стискивая лопатки.

– Ох, Лерок. Люблю тебя, солнышко мое.

– И я тебя, мам. Не переживай. Все будет хорошо.

– Если не понравится, бросай все. Здесь будешь учиться. Учебу мы оплатим.

Папа активно кивает в поддержку.

– Вы ипотеку сначала закройте, – смеюсь и отлипаю от мамы, такой родной и теплой. Тут же хочется обратно под ее крыло, но жизнь должна течь в одном направлении. Это все-таки естественный процесс. Птенцы рано или поздно покидают родительское гнездо. Мое время настало. Не о чем жалеть.

Я машу маме рукой на прощание из окна автомобиля, пока мы не теряем ее из виду. Она так и смотрит нам вслед.

Ехать долго, но с папой не заскучаешь. Он рассказывает о том, как сам когда-то уезжал от родителей в Москву учиться, о своем студенчестве, всех при- и злоключениях, годах мытарства после, возврате в родной Новосибирск и о многом еще, просто так и не в тему.

В пути я успеваю насмеяться до боли в животе, поспать, пару раз поесть и даже пофилософствовать под музыку в стиле ретро.

На подъезде в Москву меня будит мамин звонок. Мы еще не доехали, а она уже переживает. Приходится ее в очередной раз успокаивать и обещать позвонить уже из общежития. Мама не забывает мне напомнить, что всегда есть возможность вернуться домой.

Ну, что за?

Вот Бархатовы Славу спокойно отпускали. Даже отец его ни в чем не упрекал. А моя, блин. Им с папой же даже лучше. Квартиру ведь они так и не купили. Я не буду мешать им наслаждаться друг другом. И свою личную жизнь буду здесь налаживать. Все в плюсе.

– Ну, маму тоже можно понять. Ты ведь единственный свет в ее окошке, – оправдывается папа.

– Хм, – я кошусь на него с ухмылкой. – По-моему, уже два года ее свет в окошке – это ты. А я так, лучик в форточке.

Он смеется, широко раскрыв рот.

– Разумеется, нет. Мама мне весь мозг за ночь выела о том, как страшно отпускать тебя одну, в целую Москву.

Я гляжу из окна на окраины столицы. Пока все, как обычно. Даже глазу не за что зацепиться. Да, пространство шире, многоэтажки выше и кучнее, но, в целом, все как дома. Мне-то представлялось, я сейчас, как увижу волшебную страну и замру от восторга. Но нет. В Москве ничего неординарного. Многое в кино я уже видела.

Питер даже красивее и приятнее, потому что компактнее. А здесь широкие проспекты, автомобильный поток плотнее и стремительнее, зданий целое нагромождение по обоим бокам дороги и людские толпы погуще. Но меня ничто не впечатляет. Наверное, я уже выросла. Это, считай, мое первое путешествие, а я спокойна, как удав.

– Ну, ты же здесь как-то выживал целых семь лет, – я смотрю на высокие здания со стеклянными фасадами.

– Это была прекрасная пора, – папа улыбается и тоже присматривается к городу. – Давно здесь, правда, не был. Как бы нам с тобой не заплутать.

Он просит меня посмотреть по навигатору адрес социального отдела университета, куда нам надо сначала заехать со всеми документами, чтобы получить место в общежитии. И я веду его по шумным московским улицам, а сама озираюсь по сторонам.

Москва как будто расширяется к центру, так удивительно. Архитектура меняется, комбинируется, перемешивается. Не Питер, конечно, но старинных каменных зданий хватает. И советских, и современных тоже. Сити виден издалека. Чувствуется теперь, что мы в столице. Почти как в голливудских фильмах. Прям мегаполис.

Социальный отдел находится в непримечательном здании из желтого кирпича в три этажа. Тут много других департаментов, судя по золотой табличке на входе. Нужный нам кабинет рядом с входом, сразу за углом. Там очередь из новоиспеченных студентов и их родителей. А я боялась, что буду одна такая несамостоятельная. Оказывается, все приперлись с мамами и папами, кто-то даже с бабушкой.

Отстояв в очереди час, я наконец получаю направление в общежитие на Студенческой. Я хорошо запомнила, куда заселился Слава, потому что много раз искала на карте Москвы это общежитие и смотрела фотографии местности, надеясь увидеть на них случайно проходившего мимо Славу. Ксюня сказала, что он до сих пор там и живет.

Осталось только с комендантом договориться и заселиться на его этаж, чтобы наверняка. Папа о моих коварных планах и не подозревает, поэтому в кабинет коменданта я его не пускаю. Прошу подождать в холле возле поста охраны.

Здесь строгая система – вход и выход по пропускам. Прихожий холл просторен, даже есть кресла посидеть. Все облеплено дешевой плиткой. Охранник на посту играет в тетрис. За ним небольшой коридор с офисами, а с другой стороны – лестница, видимо, на жилые этажи. В холле стоят автоматы с едой и напитками. Стеклянная дверь ведет в буфет, больше похожий на магазинчик «24 часа», где продают кофе 3-в-1 и готовые сэндвичи в пластиковых боксах.

Я заворачиваю в коридор, обшитый полосатыми обоями. На первой же двери висит огромная табличка «КОМЕНДАНТ». Постучавшись и услышав недовольное «да», я осторожно вхожу.

– Здравствуйте, – киваю полной женщине в темно-зеленом спортивном костюме и в круглых очках с толстыми стеклами. Она пьет из огромного стаканчика жидкость болотного цвета. Это даже на сок не похоже, что-то перемолотое, типа смузи, хотя так и просится на язык «слизь».

– Здрасьте. Садись. Документы на стол, – и голос у этой Жабы неприветливый.

Я поджимаю челюсти – вероятно, договориться с такой будет сложно, но послушно сажусь на стул с истертым сиденьем и выкладываю документы из папки по одному. У меня там все в кучу – для общежития, для обучения, для себя.

– Не мешкай. У меня таких, как ты, тут сотни, – Жаба пучит глаза, которые под лупами кажутся вообще огромными. Жуткое зрелище. Квакает по-человечески она неплохо, очень разборчиво.

Это ворчание только тормозит меня. Щеки заливаются жаром. Особенно от ее противного взгляда. Мерзкая женщина, ни больше, ни меньше. Может, в коменданты специально таких набирают, чтоб студентам жизнь медом не казалась? Папа про свою комендантшу мне по дороге всякого понарассказывал. Тоже была ходячей грозой в их общаге. Они над ней издевались креативно.

– Это не надо, это не надо. Справка ноль восемьдесят шесть где? – она уже не квакает, а ревет.

– Щас, – дрожащими руками я роюсь в папке с кипой бумаг. Нахожу нужную и скорее выбрасываю ее на стол, словно обжигаюсь.

А сама луплю на комендантшу во все глаза. Боюсь моргнуть лишний раз в ее присутствии. Господи, мне здесь четыре года жить.

Она дает мне толстые своды правил и техники безопасности. Ознакомиться. Там чтения лет на пятьсот. А в обществе этой кикиморы секунда идет за три. Я подписываю все, не глядя. Жаба довольно хмыкает.

– Так, есть места на втором, пятом и девятом этажах, – она смотрит в квадратный монитор, сдвинув перманентные брови. – И еще на седьмом.

Блин, мне надо спросить про Славу. А Жабе, кажется, чисто моя рожа не нравится, так тянет толстые губы – вот-вот плюнет в меня своей слизью. Но вместо этого она делает еще глоток, смакует по щекам и проглатывает. И я решаюсь.

– А можно спросить, где Бархатов Мирослав живет?

Перманентные брови раскладываются на лбу, как разводные мосты. Жаба приспускает очки и ухмыляется.

– А че это? Кто он тебе? – одним глазом она косится на мои документы. – Фамилии у вас разные, явно не сестра.

Сообразительная амфибия попалась. Ну и пусть. Я знала, что это будет очевидно.

– Неважно. Просто хочу на его этаж.

– Ха, – теперь точно похоже на «ква». – Этот какафонщик у меня в печенках сидит. А ты к нему подселиться хочешь?

– Да, – заявляю твердо и выдерживаю тяжелый взгляд. Убеждаюсь в ее косоглазии. Левый реально глядит куда-то в сторону, вроде и на меня, и все равно мимо.

Жаба ржет, как лошадь, раскрыв пасть, и резко прекращает, стукнув зубами. Господи, со всех сторон «приятная» женщина. Впервые таких карикатурных персонажей встречаю. Москва – колоритна, папа не обманул.

– Я желания за просто так не исполняю, – она ухмыляется.

Другого и не ожидала. Я достаю из поясной сумочки купюру в пятьсот рублей. Это много, но мне хочется поскорее уйти отсюда.

– Хм, мелочь меня не интересует.

Мелочь?! Просто за то, чтобы ты мне этаж назвала? Вот жаба!

– Тысяча? – деньги прячу обратно в сумку.

– Полторы, – отрезает комендантша и захлопывает картонную папку с моими документами, как судебное дело судья, который только что вынес безапелляционное решение.

Я хмурюсь, но торговаться пока не умею. И с этой Жабой даже не хочется. Надеюсь, мне в будущем не придется с ней сильно контактировать.

– Ладно.

К пятистам добавляю еще тысячу и кладу на стол.

– Он на втором этаже живет. Тебе повезло, как раз есть койка с ним через стенку, – Жаба облизывается и выдает мне ключи от двести седьмой комнаты, а с ними магнитную карту.

Отлично! Внутри меня что-то просыпается. Забытый трепет, что ли? Я даже улыбаюсь комендантше и от души благодарю. Выскакиваю в коридор довольная. Папа удивляется моей радости.

– Тебе номер люкс выдали? Здесь вообще такие есть?

Он оглядывает потолок и стены, вымазанные синей краской неряшливо. Я только смеюсь.

Хоть лифт работает. Я тащу спортивную сумку и ноутбук, а папа все остальное. Приходится делать это этапами. От лифта на этаж ведет железная дверь. Я ее придерживаю, а папа перетаскивает вещи.

Этаж блочный, то есть все комнаты расположены вокруг общих мест: туалетов, душевых и кухни. Дверей я насчитала восемь, по четыре с каждой стороны. Все закрыты. Приглушенно раздаются голоса и смех. Еще музыка. В душевой журчит вода. И громкий блогерский голос доносится из туалета.

Двести седьмая комната слева от входа, следующая за угловой. Интересно, в какой Слава: двести шестой или двести восьмой?

Я подхожу к своей двери – тонкой, ДСПшной, бежевого цвета. Серебристое покрытие ручки стерлось до медной основы. Изнутри я слышу бодрые биты и легкий скрип. Соседка, очевидно, на месте. Однако дверь закрыта, и я вставляю ключ. Открыв, замираю.

Прямо напротив кровать. На ней двое голых. Грудастая брюнетка сверху. Так и застыла с открытым ртом. А снизу… Слава. Держит ее за бедра, насаживает на себя и смотрит на меня ошарашенно. Золотое свечение в зеленых глазах мгновенно гаснет. И во мне все тушит.

Вселенная, ты надо мной специально угараешь?

[1] Adobe Photoshop – программа для создания графических и не только проектов

Глава 7

На перезагрузку сознания уходит несколько секунд. Пока операционка[1] настраивается, я даже не моргаю. Стою с открытым ртом. Краснею. Интимный все-таки момент. А я вторглась без стука.

– Ой, извините, – наконец, речевая функция восстановлена.

Я отшагиваю обратно в коридор и захлопываю с размаху дверь. Чтобы стереть этот кадр из памяти. Жалко, мозг – не жесткий диск. Shift-delete[2] не поможет.

С закрытыми глазами все внутренние ощущения становятся отчетливее. Сердце жжет, словно его в горячий песок засунули. И такой же песок застревает в горле. Сухо. Режет. И никак не избавиться от ощущений.

– Лерок, что случилось? – папа напряжен.

Я смотрю на него, плотно сжимая губы. Все-таки речь работает с перебоями. И вообще, вся голова глючит. То глаза меня не слушаются, то конечности. Папа только сильнее хмурится и уже порывается открыть дверь, чтобы заглянуть, но я хватаюсь за ручку первой и останавливаю его жестом.

– Там девушка… Ей одеться надо.

– Аа… оо.

Недоумение быстро сменяется смущением. Папа отходит от двери и прислоняется к стене коридора. Мои вещи закрывают проход. Благо все сидят по комнатам, либо где-то ходят.

– И еще там… Слава, – добавляю, чтобы папа был в меньшем шоке, когда сам все увидит.

– Что? – он от удивления даже подбородок вжимает в шею. – Как?

– Вот так, – кроме как пожатием плеч, мне это нечем объяснить. Я лыблюсь, как идиотка. Не рассказывать же, что я полтора косаря отдала, лишь бы увидеть, как Слава занимается сексом с новой подружкой. В моей комнате.

Жаба, верни мне деньги, я на такое не подписывалась!!

Хочется лопнуть. Прям как шарик. Надуться от злости и порваться. Пусть мои ошметки тут и затопчут. Господи, что я натворила в прошлой жизни? Когда перестану расплачиваться?

– Не придавай этому значения, – предупреждаю я папу, слыша, как скрипит ручка двери с той стороны.

– Можно заходить, – улыбается брюнетка в открытом проеме.

Бархатов прячется где-то в глубине комнаты.

Девица напялила на себя спортивный топ и велосипедки в обтяжку. Красный ей не идет. Однозначно. Кожа смуглая, такого грязного цвета, как… как… как белый изюм. Жалко, что не сморщенная. Фигуристая, конечно, не отнять, но рожей не удалась. То есть удалась бы, если бы не эти раздутые губищи. Господи, как подпортился у Славы вкус.

– Ты моя новая соседка, очевидно? – она заглядывает мне в лицо, чуть наклоняясь.

Хочет унизить меня этим, типа я для нее коротышка? Не выйдет.

– Очевидно, – с гордо поднятым подбородком я оглядываю комнату.

Тесновато. Оконце двустворчатое – почти во всю ширину помещения, хотя большим его не назовешь. Две кровати стоят вдоль противоположной от двери стены. Между ними только тумбочка. Одна на двоих, что ли?

Сбоку от входа худой шкаф. Из-за него торчит круглый столик с грязной посудой. Заглядываю глубже. Там и холодильник прячется. И письменный стол, пустой. Второй такой же стоит у ее кровати, почти у двери, завален одеждой и косметикой. Обои – серые, линолеум – зеленоватый в пятнышках, потолок – белый. Интерьер сильно отдает советчиной. Наверное, тогда и делался.

Осмотрев все, останавливаю взгляд на Бархатове. Он уже в белой футболке и синих спортивках. Вымахал за год. Подкачался чутка, но все равно кажется стройным и вытянутым. Шевелюра теперь спадает на глаза, волнистые локоны разбросаны в стороны.

Блин, хорош. Слишком. Только лучше стал. Мужественнее, сильнее, харизмы прибавилось. Смотрит теперь так… Жестко, что ли. Удивлен, но чует подвох, первым не накидывается, анализирует сперва.

Как я интересно выгляжу? После половины суток в пути… Аргкх! Не так я себе это представляла!

– Меня Катя зовут, очень приятно, – брюнетка снова переманивает мой взгляд. – А это Славик, мой парень.

Славик. Хм.

Он не двигается, только пилит меня прищуром, пряча кулаки в карманах штанов. Совсем другой стал. Не узнаю. Даже жутко.

– Извини, неловко получилось, – Катя закидывает волосы через плечо вперед и плетет из них косу. Они насыщенно черные, густые и шелковистые, как в рекламе шампуня. Не то, что мои три волосинки без цвета.

– Лера. Бывает, – я пожимаю плечами и оборачиваюсь на папу, который до сих пор в коридоре ждет указания. – Па, заходи.

Он тащит за собой чемодан и первым делом здоровается со всеми.

– Добрый день, – Бархатов отвечает так, будто впервые его видит. – Я к себе пойду.

Кивнув своей подружке, он проходит мимо нас. Я специально опускаю взгляд, чтобы не напороться на его глаза. До сих пор любимые. Оркх… Сейчас заскулю.

Папа откашливается, когда за Славой хлопает дверь соседней комнаты.

– Ну, что ж, давай располагаться.

Теперь я очень благодарно папе, что он все-таки настоял на своем и довез меня до сюда. Я хотя бы сейчас не одна. Так бы не выдержала. До сих пор в груди жжет.

Зато, полагаю, гештальт официально можно считать закрытым.

Папа помогает мне разложиться, распихать все сумки и запихать самокат под кровать. Она пружинистая, скрипучая, проваливается.

– Надо тебе реечное дно купить, а то со спиной потом проблем не оберешься, – наказывает он перед тем, как уйти.

Катя сидит на своей кровати и следит за нами. От этого жутко неловко. Вроде смотрит доброжелательно, но она меня одним своим существованием бесит. Если бы не *Славик*, я бы к ней со всей душой. Однако теперь она априори мне не нравится.

– А ты тоже первокурсница? – спрашивает у нее папа. Видимо, устал от неловкости.

– Нет, уже второй, – и зубки-то у нее все белые, ровные, виниры, по-любому. Слишком идеальные. – У меня соседку отчислили. Она вообще третьекурсницей была.

Мы с папой мычим и киваем. Как-то неинтересно нам обоим про соседку. Мы пытаемся впихнуть чемодан в угол между столом и стеной – больше его некуда здесь девать.

– А ты из какого города? – спрашивает Катя, вытягивая шею. Что там хочет разглядеть? Меня ей плохо видно?

Мда, я настолько бледная, что, наверное, сливаюсь тут со стенами.

– Из Петербурга, – почему-то мне хочется подчеркнуть свою принадлежность к культурной столице.

– Вай, мой Славик тоже, – она загорается улыбкой.

Это «вай» звучит очень приторно, кажется, даже в аниме милашки ведут себя естественнее.

Не знаю, стоит ли ей рассказывать, что мы встречались. Он сделал вид, словно вообще меня не знает и не хочет. Наверное, пока не буду ничего говорить. Надо оно мне? Лезть еще в их отношения.

Может, удастся договориться с Жабой опять за полторашку, и она меня переселит?

Я изображаю жуткую обеспокоенность состоянием своей спортивной сумки, которая немного испачкалась в пыли, повалявшись тут во всех коридорах. Папа подхватывает и помогает мне стряхнуть грязь. Катя замолкает и утыкается в телефон.

Самокату находится место только в коридоре. Мы оба надеемся, что его не сопрут и что он здесь никому особо не мешает.

С вещами мы расправляемся быстро и прощаемся уже в холле, отойдя поближе к окнам и подальше от поста охраны. Папе решил отоспаться в хостеле, а в ночь поехать обратно.

– Держи, это тебе на шалости, – он сует мне незапечатанный конверт. – Только маме не говори. Это моя заначка.

Я заглядываю внутрь.

– Вау! Спасибо! – там несколько пятитысячных – для меня огромные деньги.

Папа радуется моему восторгу, а потом спрашивает вкрадчиво.

– Как ты? Я про Славу, – у самого глаза все еще на лбу, никак не спустятся.

Я стою с опущенной головой. И сердцем.

– Да нормально. Уже год прошел. Все давно… кончено, – отмазываюсь неестественной улыбкой.

Папа вздыхает.

– Кажется, сама судьба вас сводит. Очуметь, вы теперь соседи. Не верил, что такое случается.

Он смешной. Над ним судьба вообще конкретно поиздевалась. Мытарила, мытарила, а потом бац и свела с мамой опять, спустя пятнадцать лет.

– Ну, так вы с мамой отличный пример, – я хлопаю его по плечу и получаю в ответ ухмылку.

– Как сказать. Я, вообще-то, чуть ли ни каждые полгода в Питер мотался, постоянно придумывал себе поводы по работе и не только. Все надеялся, что где-нибудь пересечемся. А потом и вовсе переехал. Правда, уже почти отчаялся.

– Да ладно?! – теперь и у меня глаза на лбу. Этого я не знала. Мама, интересно, в курсе? – Ты ее все это время искал?

– Ну, не прям искал. Там искать-то нечего было. Имя да лицо по памяти. Я ее и узнал-то не сразу при встрече, на самом деле.

Я в шоке! Вот это любовь! Пятнадцать лет! И после короткого курортного романа! А мы со Славой почти год встречались, и он меня уже на следующий день забыл. К черту его! Найду себе настоящего парня, который будет меня любить до конца жизни. Есть же такие, как папа.

Мне так приятно об этом узнать, что настоящая любовь существует, и не где-то в кино, а прям рядом, буквально у моих родителей, и я кидаюсь папу обнимать. Сжимаю его крепко, особенно когда осознаю, что все. Он сейчас уедет. И я останусь здесь одна-одинешенька. С новой девушкой бывшего парня, которого, несмотря ни на что, еще люблю.

И что я здесь забыла? Будущее на кон поставила ради тупой идеи фикс – закрыть гештальт. Какая же я все-таки дура. В настолько тупую ситуацию я себя еще не загоняла. Однако прогрессирую.

В глубине души я, конечно, надеялась на другой результат. Что Слава, как я, весь этот год сидел затворником в комнате и жалел обо мне под депрессивные песни Билли Айлиш. Но нет. Слава не такой. И я это прекрасно знала.

Блиииин! Хватит сопли распускать. Я же взрослая. Я за этим сюда и приехала – получить от Бархатова прямой отказ. Прямее некуда, блин. Достало быть нюней. Славу надо забыть. Окончательно. Живу дальше. Все.

[1] Операционка (сокращ. от операционная система) - в данном контексте сознание, мозг

[2] Shift-delete – горячие клавиши для удаления какого-либо файла навсегда из памяти устройства, минуя корзину.

Глава 8

В комнату возвращаться я даже побаиваюсь, вдруг Бархатов с Катей там опять развлекаются. Как часто, интересно, у них это происходит? И неужели всегда в ее комнате? Не хочу приходить с учебы и наталкиваться на их страсть. Мне только реалити порно не хватало. С бывшим в главной роли.

Но идти мне больше некуда, поэтому я плетусь в комнату номер двести семь.

Мама сказала, что я могу в любой момент вернуться… Хм…

Подумаешь, бюджетное место потеряю. В колледж поступлю в Питере, а высшее образование как-нибудь потом получу, когда уже работать начну. А? Зря с папой сумки распихивали.

Ладно. Сама себя в это вписала, теперь расхлебывай. Мама бы так и сказала. Знай, она все мотивы моего поступления в Москву, точно бы обратно домой меня не пустила. Чисто чтоб было уроком, заставила бы все это пережить и усвоить.

Сжав кулак, я вхожу в комнату. Катя за столом что-то смотрит на ноутбуке. Перекачивает фотографии в соцсети. Мой наметанный глаз сразу подмечает счастливую рожу Бархатова, а Катя за ним, на спине, довольная до неприличия, растянула губищи и смеется во всю пасть. Даже у комендантши улыбка приятнее, серьезно.

– Думаю, нам надо договориться, как мы будем вести быт, – Катя оборачивается на меня. – Мы с предыдущей соседкой были очень дружны и все делали вместе.

От меня не дождешься. Ни дружбы, ни вместе.

– Порознь. Полностью. Я ни с кем ничем не делюсь, – притворяться мне не хочется, поэтому я оставляю голос как есть, грубым и раздраженным. Пусть кумекает, чем она мне не понравилась. – Уборка по графику, готовка отдельно. Что там еще?

Я почитала в интернете, как выживать в общаге.

– Аа, ясно, – разочарованно кивает Катя. – Как хочешь. Просто вдвоем легче. И выгоднее. Обычно.

Ее чистые карие глаза лучатся надеждой. Столько в них невинности и добродушия. Меня сейчас стошнит.

Только сев, я вскакиваю. Шугаюсь звука собственного телефона. Катя хихикает.

– Ты в порядке?

– В полном.

Не глядя на нее, я достаю телефон и гляжу на экран. Ксюня пишет: *«Ну как ?Встретились?».*

«Встретились. Гештальт закрыт. Я свободна».

«Так че он сказал?»

«Ничего. Сделал вид, будто мы не знакомы. И меня подселили в комнату к его девушке».

Я специально делаю паузу, чтобы Ксюня проржалась. В чате сыпятся смайлики, один за другим, целая сотня, не меньше. Наконец, телефон перестает вибрировать.

«Лерка, да по твоей жизни ситком[1]можно снимать».

Ага, смешно. Я даже слышу этот фоновый зрительский хохот.

«Ты ее видела, интересно? Губастая такая, брюнетка?».

Мне хочется сфоткать Катю тайком и выслать Ксюне на проверку. Может, за две недели, пока они семьей тусили здесь, эта Катя мелькала при них. Или тупо напрямую у Кати спросить, как давно они встречаются. Но еще рано. Первый день друг друга знаем, вряд ли она будет секретничать.

Пока соседка увлечена печатанием сообщения в телефоне, я быстро ее щелкаю и скидываю Ксюне.

«Нет, не помню такую. Реально губастая. Слава с этим*встречается?».* Она высылает эмодзи с приподнятой бровью.

«Ага». Я ухмыляюсь. Все-таки мы с Ксюней – родные души. Обожаю.

«Ох, уж эти братья. Без меня даже девушку нормальную не может найти».

«Он вообще какой-то… другой», – вспоминаю Славин холодный взгляд. Кажется, он на меня еще никогда так не смотрел. Даже в самую первую встречу, когда застал за нюханьем своего кроссовка.

«*Да, мы тоже заметили*, – Ксюня вздыхает грустным смайликом. – *Ладно, держись там, подруга. Я в ноябре приеду. Буду Ваню из армии встречать».*

«Дожить бы» – молю руками небеса. Ксюни мне очень не хватает.

Я снова падаю на кровать со скрипом, проваливаясь. Пружина совсем мягкая, вообще не держит. Спать придется, как в гамаке.

Экран не успевает потухнуть, как звонит мама. Точно, я же обещала ее набрать, как заселюсь. Не хочу говорить при Кате, поэтому выхожу в коридор, а оттуда через кухню на пожарный балкон.

На улице свежо. Солнце уже зашло, оставило после себя лишь лиловые брызги на облаках. Смотрю на это и успокаиваю себя. Пытаюсь подготовиться к разговору с мамой. Папа наверняка ей все уже доложил. Даю себе пару секунд на вдох-выдох и поднимаю трубку.

– Вот чего тебя в Москву-то потянуло! – мама, как обычно, начинает без церемоний. Голос пока низок, но очень натянут. – За Славой, который тебя бросил! Валерия! Ну, надо же иметь женскую гордость. То за Валентином пять лет таскалась, то за Славой этим.

Наверное, не специально, но мама бьет по болевым точкам, очень метко. Мне сразу и стыдно, и обидно, и противно. Да, теперь я понимаю, что сглупила. Но… Даже оправдаться, не знаю как.

– Мам, да, ты права. Молодец. Но мне от этого не лучше, – давлю обиженно и обхватываю ржавые перила рукой.

Сломать бы что-нибудь.

Она вздыхает. Сразу становится мягче.

– Понимаю, Лерок, прости.

За короткую паузу я успеваю проклясть себя до седьмого колена. Пусть мои потомки тоже расплачиваются за грехи какого-то нашего очень далекого и, очевидно, натворившего делов предка.

– Ох, глупышка моя, – в мамином голосе теплится улыбка. – Ну, правда, хватит за парнями гнаться. Учись жить своей жизнью. В конце концов, настоящая любовь сама тебя найдет.

– Ага, через пятнадцать лет, – мне тоже хочется ее задеть. – Ты вон от папы, наоборот, сбежала. Тоже так себе вариант, по-моему.

– Да, мы все ошибаемся.

Снова пауза. Я гляжу на закат. Впервые ведь встречаю его за пределами Ленобласти. Становится веселее от этой мысли. Хоть мир увижу. Поживу в другом городе, да еще в столице. Завтра меня ждет первый день в университете. Интересно познакомиться с однокурсниками. И в общежитии на этаже я пока никого не видела. Тоже любопытно, с кем соседствую. Жизнь продолжается. Много чего классного, я надеюсь, меня здесь ждет. Раз уж приехала…

– Я не жалею, – заявляю маме уверенно. – Москва красивая и реально огромная. И возможностей здесь, наверное, много. И хороших людей должно быть больше. Может, прям завтра свою настоящую любовь и встречу.

Она смеется.

– Мне нравится твой настрой.

– С ним теперь точно покончено. Могу двигаться дальше. Наверное, мне именно это и было нужно, – оправдываю себя.

– Хорошо, если так. Хотя мне все очевидным казалось еще год назад.

– Наверное, всем это было очевидно, кроме меня, – жмурюсь и корю себя за наивность.

– Так всегда. Но, думаю, каждому надо такое именно прожить, чтобы понять. И каждый это проживает. Разочарования неизбежны. Часть жизни.

– Угу, – киваю, а внутри так не хочется с этим соглашаться.

– Покажи хоть общагу, комнату. Как там у тебя все?

Я слушаюсь и включаю видео, чтобы показать маме виды моих апартаментов. Вожу ее по коридорам этажа, быстренько, стараясь не задеть камерой соседку, показываю комнату, потом возвращаюсь на балкон и хвастаюсь видами. Ничего необычного – типичный двор с детской площадкой и деревьями, окруженный похожими хрущевками.

Мы с мамой болтаем еще час. И звонок я завершаю с улыбкой, полная вдохновения на новую жизнь.

Вернувшись в комнату, понимаю, что первым делом мне надо в душ. Смыть дорогу, усталость и… чужой секс, которым тут до сих пор воняет.

Скинув грязную одежду вплоть до трусов, я решаю идти в одном полотенце. Не понимаю пока, прилично это для здешнего общества или нет, но душевые там неудобные. Один крючок и все. Даже одежду сложить негде. Мне брезгливо. А полотенце вроде все закрывает.

Коридоры по-прежнему пусты. Кажется, во всем блоке живет немного людей. Очевидно, по два в каждой комнате. Это хорошо. А то мама пугала меня утренними многочасовыми очередями в туалет. Здесь вроде много кабинок. И душевых целых две. На шестнадцать человек, наверное, достаточно.

Кабинки здесь – не совсем кабинки, по крайне мере, не как в общественных туалетах – коробки на железных ножках. То есть между душевыми настоящие стены. И двери тоже нормальные. Все плотно закрыто. С туалетами так же. Вполне цивильно.

Меня обдает паром из кабинки. Кто-то только что мылся. Пахнет лавандой и хозяйственным мылом. В решетке слива вижу кружок белых волос. Их немного, а все равно неприятно. Мама вот меня заставляет за собой даже волосинку убирать. Но в целом здесь прилично.

Едва переступаю порог душа, меня запихивает туда тяжелая рука и захлопывает за нами дверь. Я даже вскрикнуть не успеваю, как меня разворачивают и накрывают ладонью рот.

– Тихо, это я, – шипит Бархатов. Его огромные глаза смотрят в упор. Кажется, ресницами сейчас до моих достанут.

Что происходит? Я и испугаться не успеваю. И ничего не понимаю. Зато чувствую, как полотенце скатывается по телу на пол.

Блин! Только не смотри вниз. Не смотри вниз. Не смотри вниз.

И Бархатов, конечно, смотрит. Я на мгновение закрываю глаза, чтобы перебороть смущение. Краснею, как в сауне. И дышать так же тяжело.

– Ты… повзрослела, – замечает Бархатов, поднимая брови.

А глаза вот никак не поднимет. Бегает по моей голой фигуре. Вот наглец! Ну, это уже возмутительно.

Я мычу в его ладонь и пытаюсь отпихнуть от себя за грудь. Он – теперь гора, фиг сдвинешь.

– Да тише, тут стены картонные, – ворчит и упирается лопатками в дверь. Головой почти достает до верхней планки косяка.

Я отскакиваю к другой стене. Тут вся кабинка – метр на метр. Куда ни встань, вдвоем везде, считай, впритык. От этого я еще сильнее краснею.

Слава… рядом…

Господи, как я истосковалась по этой улыбочке наискосок. Так засматриваюсь, что даже полотенце поднять забываю. Он мне помогает.

Блин, я же вообще без трусов. Не бритая, потная, грязная после дороги.

Стыдоба-то какая!

– Наоборот. Поводов для гордости тут явно прибавилось, – Бархатов скользит по мне нахальным взглядом. Хотя на щеках зреет румянец.

Я что, вслух это сказала?

– У тебя девушка за стенкой, а ты!.. Ты че вообще здесь делаешь? – резко выдергиваю полотенце из его рук и окутываюсь им потуже. Уши скоро отсохнут от такого жара.

– Пришел задать тебе тот же вопрос, – он вдруг становится серьезным. Опять щурится и смотрит холодно, с подозрением. – Не сваливай на случайность. Не прокатит. Я в такие совпадения не верю.

– Ага, в призраков ты веришь, а в совпадения – нет? – язвлю на автомате. Обида все-таки во мне еще теплится.

– Вероятность встретить призрака и то выше, чем тебя здесь. В Москве. В моем вузе. В моей общаге. На моем этаже. В одной комнате с моей девушкой. Как ты меня выследила? – он все ближе с каждым словом. Наваливается тенью.

Блин, с такими темпами роста я скоро ему в пупок дышать буду. Невольно втыкаюсь в стену спиной и затылком. Маневренности никакой. Бархатов собой все пространство занимает.

– Почему ты думаешь, что мир вертится вокруг тебя? Я знать не знала, что ты здесь учишься и живешь. Москва-то большая, – мямлю, лишь бы что-то мямлить. – Оказалось, я настолько невезучая. И тоже не рада такому совпадению.

– Что ты вообще в Москве забыла? Ты же не хотела?

– А вот… – блин, мозг, генерируй вранье быстрее. Пожалуйста.

Бархатов пользуется моей заминкой и ухмыляется.

– За мной приехала, – он отходит и скрещивает руки на груди. – Фанатизмом опять заболела? На что ты рассчитывала? Что я брошусь к твоим ногам, как послушный песик?

Моя любимая улыбка наискосок становится злорадной, до нервного зуда.

– Поздняк метаться. У меня давно другая девушка. Можешь валить обратно в свой ненаглядный Питер.

Какой у него неприятный тон. И лицо все такое… искажено злостью. И смотрит с презрением. Как это… жестоко. Нет, не настолько прямой отказ я хотела услышать. Даже не верю, что это Слава мне говорит. Это точно не мой Слава, мой добродушен и деликатен. Откуда столько ненависти?

У меня обрывается все. Висело на ниточках весь этот год, и вот рухнуло, наконец. Сама напросилась.

Мама говорит, я сильная, значит, выдержу. Главное, не показывать ему свою слабость. Пусть думает что хочет. Бархатов всегда страдал манией величия. Но я больше не его фанатка. После таких слов я отсюда точно не свалю.

– Да сдался ты мне сто лет?! – вкладываю в голос всю силу своей обиды. – Я не за тобой приехала. У меня тоже другой парень, ясно? Я из-за него сюда поступила.

Бархатов меняется в лице, хмурится, опускает руки.

– Как зовут? Я его знаю?

– Да откуда мне знать? Мы с ним тебя не обсуждаем. У нас много других интересных тем для разговоров.

– Как фамилия? Какой курс?

– Не твое дело! Вообще вали отсюда!

У меня даже силы находятся выпихнуть его из душевой. Но Бархатов успевает сунуть тапок между дверью и косяком.

– Погоди, – волосатая голова влезает в проем.

Бархатов утыкается мне в лицо. Совсем близко. Теплое дыхание ложится паром на мои щеки. У меня сердце долбится в грудную клетку, как сумасшедшее. Тело замирает.

– Кате не говори... что у нас было, – он кивает на меня. Я даже проверяю, на месте ли полотенце. – Она ревнивая. Будет на мозг капать.

– Ой, да надо оно мне, – отмахиваюсь от него ручонкой, которой едва шевелю от волнения. – Было бы, о чем говорить.

– Хм, действительно, – и Бархатов сам захлопывает дверь с другой стороны.

Я стукаюсь об нее лбом и судорожно дышу. Вся система теперь сбоит. То там болит, то здесь. Непонятно где, но очень ощутимо.

Ненавижу себя. И Бархатова ненавижу! И Катю его новую. И Жабу эту заодно. Всех ненавижу.

Мамочка, забери меня домой.

[1] Ситком – ситуационная комедия

Глава 9

В университет я приезжаю на самокате. От общежития ехать всего минут пятнадцать. Удобно. По тротуару в тени деревьев. Свежий ветерок в лицо, еще не холодный, но уже не теплый. Бодрит, в общем. Первое сентября выдалось ясным.

Учебный корпус выглядит современно. Почти хай-тек, хотя для Москвы, кажется, это привычно. Стеклянный фасад перемешан с кирпичной кладкой. Все здание похоже на футуристический готический замок. Арочные окна на фасаде, две башни по краям, непонятно куда ведущие лестницы то там, то тут. Все ограждено черным забором с острыми пиками. Сочетание странное, но эстетичное.

И хоть спала я ужасно, ворочаясь и скрипя на этой железной кровати, чувствую себя полной сил. Любопытство и новые надежды дают мне энергии. Только желудок недоволен тем, чтопуст. Ужинала я дошираком, который купила в общажном буфете, а на завтрак ничего себе не купила.

Потому первым делом, припарковавшись, я забегаю в булочную напротив университета. Запах манит меня еще с перекрестка. На витрине румянится стряпня. Я долго облизываюсь, не зная, что взять. А очередь ползет быстро. И вдруг застревает, только я определяюсь с выбором.

– Да вы охренели? Наличкой никто уже не пользуется! Мир на биткоин давно перешел, а вы! – ругается парень передо мной и невольно приковывает к себе взгляды всех в очереди.

Я тоже на него смотрю с упреком. Походу, какой-то мажор. Одет модно и дорого: свитшот от Balenciaga, экстравагантные кроссовки от Nike и джинсы, хоть и выглядят обычно, но наверняка не с блошиного рынка. На кожаном рюкзаке сверкает значок с логотипом АСИ[1].

Бедная девушка за кассой от его громогласного крика вжимает голову в плечи.

– Терминал, видимо, сломался. До вас все работало, – пищит она.

– Мои, что ли, проблемы? – ревет мажор. – Мне кофе *сейчас* нужен! Он остынет, пока мы тут припираемся. Не можете принять плату, отдайте так.

– Мы можем принять плату, но только наличными.

Хм, девчонка молодец. Не сдается. И правильно, нефиг этим мажорам уступать. Они ругаются дальше. Парень злится и стучит ладонью о стойку с кассой. Аж мелочь в горшочке для благотворительности звенит. Я поглядываю на часы – до начала собрания первокурсников осталось пять минут. Мне еще актовый зал найти надо. А этот мажор тут всю очередь застопорил. Кофе, видите ли, ему не отдают. Но двигаться как-то надо, поэтому я решаю вступиться.

– Давайте, я оплачу наличкой, а вы мне переведете по телефону, – предлагаю мажору.

Он смотрит на меня свысока. Тоже длинный, почти как Слава. Тут все такие? Московский климат на них влияет? Может, и я за год подрасту?

Кассир смотрит на меня с благодарностью.

– Хм, ну давай, – соглашается мажор. – Диктуй номер.

Назвав все цифры, я обращаюсь к девушке за кассой:

– И зефирный торт, пожалуйста.

Как круто быть самостоятельной. Можно есть на завтрак торты, никто и ворчать не станет.

Она кивает с улыбкой и достает с витрины мое лакомство в коробке. А затем и кофе. Я жду, когда мне на телефон придет уведомление о переводе. Но мажор не торопится. Уже зашел в банковское приложение и ввел номер, но пока не подтвердил. Косится на меня с ухмылкой.

– Интересная форма подката, однако. Хитр*о*.

И взгляд такой, торжествующе-высокомерный, будто я у него в ногах уже ползаю. Да что за?

– Ты нормальный? – хмурю брови. – Деньги переведи. И разойдемся. Я на собрание опаздываю.

На всякий случай я страхую свой залог – накрываю кофе ладонью. Даже через крышку жарит кожу. Кассирша переводит взгляд с пятисотки, которую я пока держу, на мажора и обратно. Несколько человек в очереди устало вздыхают.

– Ага, потом будешь доставать меня своими интимными фотками, – мажор скалится, разглядывая меня сверху вниз. – Я уже устал от таких назойливых девчонок.

– Чтоо?!

Он вообще чокнутый?! Возмущение прет из горла вместе с кашлем. Мы с кассиршей переглядываемся, она пожимает плечами. В очереди кто-то смеется. Кринжа в моей жизни было достаточно, чтобы привыкнуть, но я все равно заливаюсь стыдом.

– Давайте быстрее, тут всем на пары надо, – голосит девчонка в самом хвосте.

– Знаешь что, извращенец? Обойдешься! – я оставляю купюру в специальном лотке и забираю свой кофе и десерт.

– Эй! Это я заказал! – мажор срывается за мной.

С кофе бежать не очень удобно, но шагать я стараюсь максимально широко и быстро. Жалко, ножки короткие. Этот напыщенный страус быстро меня нагоняет.

– Отдай мой кофе! – он пытается вырвать у меня стаканчик, а я уворачиваюсь, прокрутившись по оси.

– Гони мои деньги!

К моей удаче загорается зеленый на пешеходе, и я несусь туда. Благо стаканчик с крышкой. Вся жидкость остается внутри.

– Ах ты, мелкая!

Выбегая на пешеход, я даже успеваю обернуться и показать наглецу язык. Совсем оборзели. Думает, раз носит Balenciaga, все перед ним пресмыкаться должны?

Мажор хватает меня за локоть уже на другой стороне улицы. Кофе в стаканчике бултыхается, но крышка качественная – ни капли не проливается.

– Я за него заплатила, сама и выпью, – говорю ему в лицо. Держу мину максимально твердой, а взгляд – упертым. Не на ту напал. Я больше не та замухрышка, которую каждый задавака может обидеть.

В подтверждение своей решимости я открываю специальное отверстие и пью из стаканчика. Кофе не люблю, но сейчас смакую глоток, будто божественней нектара не пила.

– Эй! Слюней твоих только в моем кофе не хватало, – мажор выцепляет напиток ловко. Сама не понимаю, почему разжимаю пальцы. Молочные капли капучино летят в стороны.

– Это мой кофе! Либо гони двести пятьдесят рублей, – я порываюсь забрать свою собственность, но мажор, блин, высокий, поднимает руку, и мне уже не достать.

Какая же я жалкая все-таки.

– Угомонись, Зефирка, тут без шансов, – он смеется весело, вытягиваясь в длину, аж на цыпочки встает, хотя это лишнее. Я и так бы не допрыгнула.

– Сам ты Зефирка!

– Оо, хочешь сказать, я такой же сладкий, как ты? – он наклоняется ко мне и ухмыляется глаза в глаза. Они темно-карие, точнее, красно-янтарные. Небольшие, но глубокие. Густо обрамлены черными ресницами. Я бы себе такие хотела.

Блин, бесит! Что происходит опять?

Даже не знаю, как реагировать. Капец тупость. Фортуна точно повернулась ко мне попой, огроменной такой задницей, которую мне за жизнь не обойти.

– Отвали, придурок! – я отпихиваю его рожу ладонью. – И кофе верни. Или деньги.

– Хорошо, Зефирка. Я верну тебе кофе. Завтра в это же время в этом же месте, – он подмигивает и отходит спиной к университету.

Серьезно?

– Какой дешевый подкат! – отрезаю и сама иду вперед, демонстративно мимо него. – Оставь себе. Главное, больше на глаза не попадайся.

Связалась на свою голову. Опять. Вот решишь сделать доброе дело, трижды аукнется.

– Ты первая ко мне подкатила, – мажор быстро оказывается рядом, глотая кофе на ходу.

Мои, блин, двести пятьдесят рублей сейчас канут в его бездонной глотке. Москва реально дорогая. Я тут за первые сутки целую тысячу семьсот пятьдесят рублей на ветер выбросила. Только проблем себе новых купила. Аркгх!

Походу, лучший способ отвязаться от этого кофемана – игнорировать.

Не отвечая, я захожу во двор университета. Толпа сгущается, все спешат на пары. Среди прочих я цепляюсь взглядом за торчащую у парковки с самокатами голову в наушниках. Хоть в этом Бархатов не изменился. Меня он не видит. Проходит к крыльцу, не поднимая головы. И к лучшему. Еще с ним препираться – сил нет.

Внутри корпус как будто слизан с американских колледжей. По крайней мере, у меня сразу возникает такая ассоциация. Светлые коридоры с большущими, почти панорамными, окнами. Подоконники широкие и очень низкие, потому облеплены студентами. В таких удобно сидеть целой компанией. По углам цветы в толстых вазах. Длинные пуфы стоят везде, где много пустого пространства. Холл разбит тяжелыми колоннами. А потолки метра три, не меньше. Но даже маленькой мне в таком огромном помещении приятно находиться. Комфортно, светло, уютно.

На стенах висят информационные стенды, доски почета, фотографии с университетских мероприятий и какие-то дипломы.

Мне некогда вчитываться. Я и так опаздываю. Аж на целых пять минут. Мажор, скотина! Легок на помине, он пробегает мимо, оборачиваясь на меня. Кофе еще пьет.

– Зефирка, наличку завтра на всякий прихвати.

Гаденыш сверкает самодовольным оскалом и пропадает за матовыми дверьми, ведущими к лестнице. А я даже не знаю, на каком этаже актовый зал. Возвращаюсь к входу, там вроде был план всего здания. Не ошибаюсь – справа от гардероба висит щиток с расположением кабинетов. Актовый зал на первом. Ну, хоть.

В коридоре тихо. Студенты разбежались по аудиториям. Такое ощущение, что во всем корпусе, где, вообще-то, учится несколько факультетов, я одна опаздываю.

Торт приходится буквально жрать на ходу, голыми руками из коробки. Последний кусок еще жую, когда подхожу к актовому залу.

Он находится за двумя высокими дверьми со стеклянным верхом. Я осторожно их открываю и сперва приглядываюсь, что там вообще творится.

Ряды сплошняком забиты студентами. Взрослые, наверное, родители, стоят по бокам. Их гораздо меньше, все в один слой вдоль стен помещаются. В центре, не на сцене, а перед, стоит широкая женщина в оранжевом платье по колено. Каблуки делают ее гигантской. Наверное, это и есть наш декан. Она с улыбкой на лице что-то говорит, но я слишком занята изучением обстановки, чтобы вслушиваться. Вобрав побольше воздуха, решаюсь войти. Надеюсь, что из-за моей бледноты и низкого роста, декан меня тупо не заметит. Пусть думает, что дверь ветром случайно открылась. Или полтергейст.

– Ага, вот на примере и посмотрим, как мы боремся с нарушителями дисциплины, – голос декана разлетается на весь зал и попадает прямо в меня, останавливая.

Все оборачиваются, как роботы по команде.

– Здравствуйте. Извините, – лопочу, сглатывая комок торта с зефиром.

– Вы как раз пропустили самую важную часть, – деканша улыбается так мило, как будто сейчас медаль вручит, а не штраф влепит. – Как ваше имя?

– Лера. Палкина, – сдаюсь и встаю, как на казни, готовая принять свою кару.

– Очень приятно, Лера, а меня Елена Демьяновна, – деканша мне кивает и жестом приглашает куда-нибудь сесть. Я вижу только одно свободное место поблизости – на краю последнего ряда. И иду туда. – Повторю для вас. В нашем университете не принято опаздывать. Опоздание может караться отчислением. Если вы свое время не уважаете, хотя бы уважайте время ваших однокурсников и преподавателей. У вас, Лера, первая засечка уже есть. Надеюсь, впредь вы будете пунктуальны.

Улыбка у нее, конечно, дьявольская. Но злюсь я на мажора. Из-за этого придурка схватила сразу отсечку. Наверное, уже глупо спрашивать у вселенной. Она, кажется, мое невезение на автопилот поставила: что ни день, то новая пакость.

– Концлагерь. Куда мы попали? – улыбается мне соседка по ряду, прикрывая когтями рот. Реально, у нее когти, как у росомахи. Только крашены в черный. А сама милая: веснушки, голубые хвостики на плечах, розовые тени. Она явно высокая, потому что даже сидя выше меня на целую голову, зато сильно сутулится.

Мда, чувствую себя здесь лилипутом.

– Не говори, – поддакиваю шепотом, а сама с опаской гляжу на деканшу. Наверное, здесь и шептаться, пока преподаватель говорит, нельзя.

– Меня Фрося зовут, – только я порываюсь представиться, как она меня перебивает. – Лера, я слышала.

– Очень приятно.

Фрося хочет что-то еще сказать, но я ловлю взгляд деканши и замираю, все внимание направляю на нее, строю из себя послушную студентку. Елена Демьяновна улыбается нарочито и переводит взгляд на другого несчастного. Дальше я не отвлекаюсь, но в душе радуюсь, что уже нашла приятельницу. Хотя бы будет с кем на парах сидеть и обсуждать строгие правила этого заведения.

В целом, собрание ни о чем. Нам объясняют всякие оргмоменты, которые можно было бы, в принципе, одним файлом всем на почту скинуть, и не тратить два часа. Они сами не уважают ни свое время, ни наше. Еще нас делят на группы, выбирают старост, представляют кураторов-второкурсников, трех милых девушек, рассказывают, как строится учебный процесс и все такое прочее. Многое из этого я читала на сайте, еще когда выбирала, куда поступать. Поэтому слушаю вполуха.

После общекурсового собрания староста собирает нашу группу в углу зала, чтобы взять у всех контакты и создать групповой чат в телеграме. Староста, кстати, симпатичный блондин и не дылда, как все здесь. Зовут Степан. Я к нему присматриваюсь внимательнее, пока он записывает мой номер, и улыбаюсь широко, но, ловя мой взгляд, он шугается и быстро уводит лицо в сторону, к Фросе, чтобы записать и ее номер.

Мда, соблазнительница из меня, конечно… Как мне вообще нового парня найти? Со Славой мне так-то Коростылева помогла. Без нее, может, я бы до сих пор была нецелованной. Надо загуглить пикап курсы для девушек.

Остальные парни в группе меня ничем не зацепили. Справедливости ради это абсолютно взаимно. Зато все внимание на себя перенимает мускулистая рыжуха в спортивном костюме. Она, очевидно, всю жизнь в спортзале провела. Мышцы – твердь. Стрижена коротко, по-пацански. И сама вся такая, сзади я бы точно не приняла ее за девушку. Внимание она привлекает громогласным хохотом, который один сойдет за ржач целого табуна. Дружки из того же теста. На улице я бы приняла их за чистых гопников, но на факультете дизайна они косят под хипстеров. Че они вообще здесь забыли, все трое?

Рыжуха опаснее Коростылевой в разы, ей дорогу переходить точно не стоит. Поэтому я тут же прячу глаза, когда она смотрит на меня. Только такой проблемы мне не хватало.

В целом первый день проходит неплохо. Мы с Фросей обедаем после собрания в университетской столовой и делимся основной информацией друг о друге. Она из Омска, но роди-

тели переехали вместе с ней в Москву, поэтому живет не в общаге. Я ей даже завидую. Может, стоит маму с папой подговорить новую квартиру здесь купить? Но тут цены наверняка скотские. Маму точно жаба задушит.

Я понимаю, что Фрося не из бедных. Впрочем, богачкой ее тоже сложно назвать. Но на выражение себя через татуировки, пирсинг и всякие дурацкие мелочи, типа значков с любимыми анимешными героями, она явно денег не жалеет. На ней столько побрякушек, что можно распродажу на месяц устроить. Зато она милая. И прямая, как Ксюня.

– У тебя парень есть? – такой личный вопрос меня напрягает немного.

С другой стороны, чего нам, девчонкам, стесняться?

– Уже нет, – отвечаю с прискорбием. – А у тебя?

– А у меня вообще никогда не было, – заявляет Фрося с радостью, и думаю, это правильно. Нет парня – нет проблем. – Но я в активном поиске.

Ох, девочка, ты выбираешь путь страданий…

– Тебе из однокурсников кто-нибудь приглянулся? – спрашиваю первой.

– Знаешь, я ожидала большего, – Фрося и куксится мило. Ну точно сошла со страниц манги. – Староста – самое приличное, что есть.

– И мне так показалось.

Смеюсь про себя.

– А в общаге? Там наверняка куча красавчиков с других курсов и факультетов.

– Да я буквально вчера вечером заселилась. Еще ни с кем не познакомилась.

– Я слышала, именно в твоей общаге постоянно вечеринки проходят. Какой-то парень из ваших устраивает. Пригласишь меня?

Я даже знаю, что это за парень. Интересно, от кого она успела услышать? Мы тут первый день. Очевидно, есть знакомые старшекурсники.

– Конечно. Как объявят, позову.

Хотя я пока сама не определилась, хочу ли на общажную вечеринку. Наверное, это хороший повод со всеми затусить и подружиться. Надо же мне тут с кем-то общаться, заводить новых друзей, ну и парня, наконец. Захапаем с Фросей самых красавчиков.

– Мне сказали, в эту субботу собираются. Типа в честь начала учебного года.

– А, ладно. Тогда приходи.

– Отлично, спасибо! – Фрося трясет кулачками радостно.

Видимо, мне надо будет как-то договариваться с охраной, чтобы ее пропустили, раз там по пропускам? Ладно, охранник вроде не жаба, надеюсь, сговорчивый.

Мы с Фросей прощаемся у ворот университета. Она идет к метро, а я качусь на самокате. Опять с ветерком.

Войдя на этаж, я натыкаюсь на Бархатова. Он сбоку от входной двери запихивает самокат в какую-то кладовку. Ничего себе. Тут кладовка есть. А я-то голову ломала, куда самокат пристроить. Только он почему-то закрывает ее на ключ.

– Постой, а кладовка не общая? – я вытягиваю руку, будто могу его остановить.

Бархатов не слышит. В наушниках, разумеется. Приходится подойти ближе, чтобы привлечь внимание. Только в двух шагах он меня, наконец, замечает и отходит на инстинкте.

– Привет, – выдает ошеломленно и косится то на меня, то на самокат.

– Это что, твоя личная кладовка? – я сразу с претензией, чтобы, не дай бог, не подумал, будто ищу тут опять с ним точки соприкосновения.

– Общая, но платная, – Бархатов ухмыляется и звенит ключами. – Два косаря в месяц за доступ.

– Сколько?! – я офигеваю от московских расценок. Да само проживание здесь три стоит. А кладовка… Капец.

Бархатов понимает мое возмущение и кивает.

– Да, у Жабы тут своя мафия.

– Жабы? – я хохочу в голос.

Я не одна такая наблюдательная. Ну, очевидное сходство же!

– Ладно, ставь свой самокат.

Он открывает кладовку и рукой подгоняет меня. А я не тороплюсь.

Нет, это все тот же Слава. Опять добр. Просто так.

– Тут завал, конечно.

Он проходит внутрь и тянет за собой мой самокат. Я только тогда решаюсь заглянуть в кладовую. В ней нет никакой мебели, лишь всякий хлам. Несколько самокатов, пара велосипедов, ролики, какая-то техника, краски, инструменты и много разного. Пройти вглубь можно только шага на три, но для моего самоката место находится. То есть Слава его выскребает, двигая тяжеленные штуки, которые уже запылились за годы хранения здесь.

– Прикроем этим, – он достает моток серых обоев и закутывает в них самокат, а сверху накидывает пустую коробку на руль. – А то Жаба периодически устраивает рейды по своим владениям.

Зачем-то после него я поднимаю коробку, поправляю руль и накрываю обратно. От неловкости, наверное. Дверь кладовки со скрипом медленно закрывает нас в этом тесном помещении.

– Я знаю твоего парня, – говорит Бархатов с усмешкой. – Это мой одногруппник.

– Что?!

У меня сразу вихрь мыслей. И ураган желаний. Пропасть, провалиться, взорваться, уничтожить вселенную. Понять, с чего он это взял.

– Видел вас утром, у кофейни, – отвечает он на мой немой вопрос.

Блиииииииииииииииииииииин!

Мда, никогда не бывает так плохо, чтобы не было еще хуже.

У меня все отказывает. Даже глаза. Веки опускаются, как кулисы в театре. И в голове крутится видеомем с титрами: Directed by Robert B Weide[2].

[1] Академия современных искусств (АСИ) – вымышленное высшее учебное заведение, где учатся Лера и Слава

[2] Мем «Directed by Robert B. Weide» появился благодаря сериалу «Умерь свой энтузиазм», главный герой которого регулярно попадал в неловкие ситуации. В конце каждого эпизода появлялся титр «Режиссер — Роберт Б. Уайди» под музыку Лучиано Микелини. Мем используется для того, чтобы подчеркнуть комичность видео. Чаще всего музыку из заставки добавляют в конце роликов, на которых люди неудачным образом совершают какое-то действие (то есть фейлят).

Глава 10

Я набираю воздуха в грудь, точнее, заглатываю пыль в легкие, и пару секунд держу дыхание, чтобы паника поутихла. И сердце снизило темп до жизнеспособного.

– А ты еще не веришь в совпадения, – выжимаю из себя вместе с выдохом.

– Странно, – Бархатов щурится, как детектив. – Где вы познакомились? Он же москвич.

Пофиг уже. Иду напропалую.

– Кхм-кхм. В интернете, – совершаю кривую попытку посмотреть ему в лицо, но тут же тушуюсь и опускаю глаза.

– А неделю назад он с другой девчонкой целовался.

Бархатов так скалится, будто раскусил меня. Черта с два!

– А мы неделю назад и не встречались, – адреналин мне помогает храбриться. Я выпрямляю плечи и вскидываю подбородок. – Мы весь год просто общались. И я поняла, что он – тот самый, кто мне нужен. Решила за ним приехать сюда. И вуаля. Теперь мы – пара.

Походу, на рандеву у кофейни мне все-таки придется явиться.

– Хм, – Бархатов поправляет бейсболку и отворачивается в сторону двери, которая уже плотно вошла в проем, и щели не осталось. – Какая ты отчаянная.

Клаустрофобией я никогда не страдала, но сейчас меня охватывает жесткий нервяк. Я вся наэлектризованная стою, крепко сжимая рукоять руля.

– Ради настоящей любви я на многое готова, – сама не понимаю, зачем это говорю, просто хочу на чем-то закончить, и двигаюсь к выходу. Здесь душно. И грязно.

Бархатов остается в кладовой, а я с тяжелым сердцем иду в комнату.

Надеюсь, там хотя бы не будет Кати, но, естественно, мне не может так повезти.

– Привет, Лера! Как первый день? Вас уже напугали строгой дисциплиной?

Она всегда светится?

– Да. И у меня уже засечка.

Катя хихикает и машет рукой. В другой у нее кружка с торчащей ниткой от чайного пакетика. Немного жидкости расплескивается на пол, но она не обращает внимания. И явно не будет это вытирать. Оглядев комнату и особенно Катин уголок, понимаю, что не так меня мама готовила к жизни в общаге. Она меня заставляла убирать за собой, все мыть тщательно, быть тихой и уважать чужое пространство. Тут такая стратегия проигрышна.

– Ничего. Тут у всех засечки, – отсмеявшись, добавляет Катя.

– А сколько надо, чтобы отчислили? Твоих знакомых отчисляли за опоздания? – внезапно разговор становится мне интересен.

– Ну, вот, соседку мою предыдущую, – Катя кивает на мою кровать, и мне жутко. Может, койка проклята? Жаба меня еще и на проклятую койку подселила? – Пять засечек за семестр хватило. Она постоянно опаздывала. Я удивлялась, как вообще до третьего курса дожила. Это из-за работы. Возвращалась поздно и не высыпалась.

Катя вздыхает с сожалением и глядит на мою койку с тоской. Ей только фотографию соседки в рамочке не хватает повесить. Может, посоветовать мозаику собрать, как у Славы с бульдогом?

Ладно, у меня с опозданиями проблем не было. Не самое страшное, что мне здесь грозит.

– Я слышала, тут, – я вожу указательным пальцем по кругу, словно колдую, – у нас в общаге, вечеринки постоянно проходят, правда?

Катя снова озаряется счастливой улыбкой, несмотря на чай, который пьет. Господи, сколько же у нее поводов для радости. Блаженная. Она ставит кружку на стол и скорее сглатывает, чтобы ответить.

– Да! Славик устраивает. Он же диджей. В холле, на первом этаже. Вся общага туда сгребается потусить. И необщажные приходят тоже, с универа.

– А как знакомого пропустить?

– Ой, это тот еще геморр, – Катя водит глазами по кругу. – Жаба тут порядки такие навела. На каждый чих нужна справка.

Неудивительно.

– Надо прошение ей подать, указать ФИО, паспортные данные и причину визита. Причем за день! Типа по факту не прокатит. Гостя просто не пропустят. Но мы специально зовем необщажных, чтобы она сама же в своей бюрократии увязла, – Катя смеется от души. – За день до вечеринки ей прилетает десятки прошений. Она их разгребает сутки. Сама наворотила. Но отказать она нам не может. Как минимум все прошения она обязана рассмотреть и выдать письменный ответ.

Блин, что за общество? В универе – концлагерь, здесь – колония строгого режима. Где студенческая свобода, о которой мне рассказывал папа?

– Жаба поэтому Славика не любит. Он с ней постоянно воюет, – Катино хихиканье начинает меня бесить. – Но он упертый. Это уже стало делом принципа, говорит.

Она опять хватает чай и булькает громко. А я понимаю, что до сих пор стою посреди комнаты, даже не разделась и рюкзак не скинула с плеч.

– Он все лето один на этаже жил. Все ж разъехались по домам. Так Жаба от скуки каждый день ему мозг выносила. Обычно она хотя бы свой яд равномерно распределяет.

Кажется, Катю забавляет все. Даже страдания других людей. Или страдания особенно. Она, как маленький ребенок, смотрящий «Ну, погоди», – искренне смеется, когда кому-то больно.

Зато теперь понятно, почему с семьей Слава ее не познакомил. Она просто уехала на все лето.

– А вы давно встречаетесь? – не знаю, почему я решила, что сейчас лучший момент для такого вопроса.

Пока снимаю платье через верх, лицо скрыто. Удобно.

– Через пару месяцев будет год. Хочу ему сюрприз приготовить.

Я скидываю одежду на кровать резче, чем хотела.

– Какой? – наглею, но мне, правда, любопытно. До нашей годовщины мы с ним вот не довстречались.

– Я сейчас учу танец живота, – она закусывает указательный палец. Вся первая фаланга пропадает между пухлыми губами. – Уже три месяца. Станцую для него в нашу ночь.

Катя подскакивает и двигает бедрами вслед за плавными руками. Висюлек только не хватает для эффектности. Она грациозная. Кажется, не только восточными танцами занимается. Я невольно гляжу на себя – палка, что внешне, что внутренне. Никакой гибкости.

– Хороший сюрприз. Уверена, ему понравится.

Внутренне я потихоньку смиряюсь со своим поражением.

– А на каком ты факультете? – я приглядываюсь к танцующей у зеркала Кати. Она трясет бедрами, прямо как Shakira[1].

– Юридическом.

Опа-на. Вот это поворот. Надо запомнить ее ФИО, чтобы никогда потом к ней не обращаться.

– Все почему-то удивляются, – опять хихикает.

– Интересно, почему, – я даже не скрываю сарказма в голосе, но Катя не разбирает. Блаженным можно.

Она дальше танцует, а я переодеваюсь в пижаму. Мама мне специально купила целых три комплекта для общаги из рубашки и штанов. Фасон один, а расцветки разные. Сегодня у меня настроение коалы. Хочу лежать и ничего не делать.

– Кстати, сегодня же посвящение новичков этажа в наше общажное сообщество, – Катя подбегает к моей кровати, все еще пританцовывая. – Ты обязана посвятиться! Это будет весело.

– Что еще за посвящение?

Мне сразу вспоминаются ужасные издевательства в английских студенческих братствах, которые я видела в молодежных комедиях. Пить из чьего-нибудь ботинка или жевать червей я точно не соглашусь.

– Это традиция нашего этажа. Для новеньких мы организуем вечеринку. Все скидываются на пиццу и собираются на кухне.

Пока звучит неплохо.

– Славик придумал вам испытание, – а это уже настораживает.

Упершись затылком в стену, я кошусь на соседку. Она все никак не остановится. Шаг влево, три вправо, потом обратно. Руки ходят волнами. Волосы, как в рекламе, крутятся за ней блестящим веером.

– Несложное. Не бойся. В прошлом году нас тоже посвящали.

– И какие вам дали задания?

– Мы должны были явить миру свой талант. Поэтому я танцевала под Славину музыку, а Мила показывала акробатические трюки. Нас трое новеньких было. Вас двое в этом году.

Хм, талант.

– Я могу еды из пенопласта наделать. Издалека не отличишь от настоящей.

Катя смеется.

– Серьезно? Ты поделками увлекаешься?

Поделки. Как звучит. Но я соглашаюсь. В принципе, недалеко от истины.

Мы с Катей обсуждаем наши хобби. И это на удивление не скучно. Я невольно загораюсь ее воодушевлением. И даже жду вечера, когда начнется вечеринка и само посвящение.

А что? Неплохой повод со всеми познакомиться. Найти новых друзей. Помимо этой сладкой парочки. А то я тут точно на стены выть начну.

[1] Shakira (Шакира) — колумбийская певица, автор песен, танцовщица, музыкальный продюсер, хореограф и модель.

Глава 11

После восьми все стягиваются на кухню. Она огромная, на самом деле. Человек двадцать тут спокойно поместятся. Помимо необходимого минимума: плиты и моек, в углу, ближе к балкону, стоит овальный стол, похожий на те, за которыми ведут серьезные переговоры. За ним полукругом прижимается к стенке кухонный диванчик, больше скамейка. Люстра одна, но очень яркая.

Мы с Катей приходим последними. Все уже сидят и обсуждают, какую пиццу заказывать. Бархатов во главе стола с ноутбуком. А вокруг него столпились остальные.

– Всем привееет! – тянет Катя, махая обеими руками, словно чирлидерша.

Толпа на нас оборачивается синхронно, как единый организм. Я просто поднимаю ладонь и слабо улыбаюсь. Столько разных лиц – не могу ни на ком сконцентрироваться. Бархатов любит подобные сборища. В школе мне тоже приходилось с ним тусить в больших компаниях. Но я всегда чувствовала себя не очень комфортно. Слишком много внимания. Моя скромная персона не выдерживает. Здесь с ним буду звездить уже не я, разумеется. И все равно неловкость колит в самые нервы.

Я подмечаю такого же неуверенного в себе – парня в клетчатой пижаме с маленькими очками, почти прозрачными. Мы встречаемся взглядами и сразу признаем друг в друге новеньких. Я улыбаюсь и получаю то же в ответ.

– Так, щас с пиццей разберемся и познакомимся все, – командует Бархатов, не выныривая из толпы. – Лавэ[1] на стол. Либо мне на карту.

Я вижу кучку купюр с другого края стола и кладу в общак свой взнос. Катя сказала, что напиток каждый приносит свой. Я взяла сок из буфета в холле, а все остальные пьют что-то посерьезнее. Стол завален алюминиевыми банками и стеклянными бутылками. Катя держит в руке пивной бокал с красноватой жидкостью и пузырьками.

– Давай, пока все заняты, я тебе обрисую кто есть кто, – шепчет она заговорщически. Мы стоим возле плиты, упираясь в нее, кто чем. Катя может присесть сверху попой, а я только поясницей прислоняюсь. – Справа от Славика – Гоша, его сосед. Странноватый паренек, но безобидный. В играх никогда не участвует, зато всегда наблюдает. Учится вроде на лингвиста.

Я изучаю худого и длинного, как жираф, парня за Бархатовым. У него впалые щеки, оттого выпуклые глаза. Да, выглядит он тоже необычно. И безобидно.

– Вон те в углу девчонки из двести шестой, наши соседки через стенку. Одна магистрантка, вторая выпускница бакалавриата. Хорошие, мы с ними переговариваемся иногда через розетку. Всегда можно попросить соли.

Я смотрю на тех, на кого она указывает. По девушкам видно, что они уже взрослые. Одна в махровом халате похожа на барыню, ее Катя зовет Милой, вторая в спортивном костюме с отливом, Ульяна.

– А эти из двести четвертой, две Маши, с ними Витя из двести третьей. Тусят обычно втроем. К ним всегда можно присоединиться.

Она скалится довольно, будто не раз пользовалась возможностью. Я смотрю на ребят. Они, действительно, выглядят максимально открыто и дружелюбно, громко смеются и разговаривают. Девчонки хохочут над тем, что парень надел футболку наизнанку.

– Это ботанша Люба с бизнес-информатики. Вечно жалуется, что у них самая задротная учеба. Она из двести второй. Ее соседка Даша почти в общаге не появляется. Даже не знаю, где учится и на каком курсе.

На ботаничку Люба не похожа. Обычная девушка, даже волосы распустила. Сейчас смеется вместе с Ульяной и Милой.

– Деловой Евген с экономa, нынче выпускник, – Катя косится на парня рядом с Бархатовым, который указывает, какие пиццы лучше заказать. Он вроде расслаблен и одет в домашнее, но все равно выглядит строго и холодно. Коротко стрижен и гладко выбрит. Наверное, на экономе действует дресс-код. – Но в принципе нормальный. Может и похулиганить. Второй новенький к нему попал.

Катя махает на них рукой и быстро переключается на пару.

– Всеволод и Настя из двести первой. Они специально поженились, чтобы жить в одной комнате, – ей почему-то смешно. – Часто ссорятся на весь этаж. С ними живем, как в «Домедва», но все привыкли.

Всеволод кажется невозмутимой горой, а Настя – явно горячая штучка. Озорство в каждом жесте и взгляде. На меня она щурится с любопытством.

– А от этого лучше держись подальше, – Катя тычет пивом в крашеного блондина с зачесанной назад пышной челкой. – Рустам тот еще абьюзер. Он меня как-то за задницу лапнул. Прикинь?!

Я впервые вижу в Катиных глазах возмущение, причем острое, оскорбленное.

– Ни с того, ни с сего! Прямо здесь, на кухне. Хорошо, что Славик увидел и заступился за меня, – злость мгновенно исчезает, и губастое лицо снова становится блаженным. – Этот хлюпик испугался и больше никого не трогает.

Мда, от Славы другого и не ожидала. Он всегда был борцом за нравы.

– А я потом ему в благодарность роллов наделала. Филадельфию. Стала его периодически подкармливать, так и приручила, – хихикает Катя, поглядывая на Бархатова, который спорит с Евгеном из-за «Гавайской». – Но влюбился в меня он после танца.

Бесят меня ее мечтательные глаза и широченная улыбка. Губы расплываются по лицу, как жирные червяки. Как такие вообще целовать не противно?

– Славик в то время все слушал одну песню сопливую. Врубал на весь этаж, вгонял нас всех в тоску.

– Сопливую? – я невольно перебиваю. Пульс учащается. Смотрю на Бархатова, он смеется, как обычно, с широкой пастью, без всякого стеснения. Что за песня, интересно? – Билли Айлиш?

– Да не, попсу какую-то русскую. Я не знаю, – Катя сперва отмахивается, торопясь продолжить, а потом стопорится на секунду. – Стой, а ты откуда знаешь, что он Билли любит?

Упс. Не ожидала я такой сообразительности.

– Да просто у Билли все песни сопливые, вот и предположила. Сама ее слушаю, – пожимаю плечами невинно, а глаза увожу в сторону.

Этого хватает, чтобы убрать подозрения. Катя расхмуривается и продолжает с улыбкой.

– Короче, мне надоела эта депрессия, и я ворвалась к нему в комнату, когда Гоши не было. Станцевала Славику очень страстный танец, – она ничуть не смущается, когда рассказывает об этом, наоборот, в глазках горят огоньки гордости. Или самовлюбленности. – Песня еще не закончилась, он на меня уже набросился.

И заливается счастливым смехом. Я обхватываю собственное запястье крепко. Еще болит. Блин.

– В общем, если что, говори Славику. Он Рустама опять прижучит, – заключает Катя.

Бархатов как раз объявляет, что пицца заказана.

Все рассаживаются за столом, кто на диване, кто на табуретках. Кроме новеньких. Нас Бархатов выставляет в центре кухни и просит представиться.

– Лера, рада со всеми познакомиться, – кланяюсь головой. Почему решила, что так принято? Насмотрелась корейских дорам. – Поступила на «Дизайн и современное искусство». Из Петербурга.

– Оо, Барх, землячка твоя, – парень, который тусит с двумя Машами, кажется, Витя, трясет указательным пальцем в мою сторону.

– У меня их пять миллионов, земляков, – отшучивается Бархатов и кивает на второго новенького.

– Паша, из деревни в Оренбургской области. Учусь на пиарщика.

– Круто, – тянут две Маши синхронно.

– Ну, отлично, – Бархатов хлопает в ладоши, и все ему вторят. – Так, теперь вам надо выполнить задание. Причем успеть до приезда пиццы. Еще целых полчаса.

Все смотрят под потолок над мойками. Там, оказывается, висят часы, белые, круглые, с фигурными цифрами.

– Задание простое. Нужно отключить пожарку на нашем этаже. Пульт управления на посту охраны, – Бархатов скалится, а все охают и смотрят на нас с Пашей так, будто уже хоронят. А мы переглядываемся, но никак друг друга не подбадриваем.

Ничего себе простое. Хорошо хоть с Жабой не связано.

– Кому-то из стареньких придется пойти с молодняком, – Бархатов вытягивает руку с перевернутой бейсболкой, в которой валяются скрученные бумажки. – Разбирайте. Кому попадется крест, тот невезунчик.

Все тянут жребий. Каждый облегченно вздыхает, раскрывая записку. Остается последняя для самого Бархатова.

– Да ладно? – он с досадой цокает. Все уже поняли, что крест достался ему. Развернув бумажку, Бархатов это подтверждает недовольной гримасой. – Блин.

Остальные смеются.

– Ладно. План такой, – Бархатов делает голос строгим и сам весь собирается, натягивая бейсболку козырьком назад. – Ты, раз пацан, полезешь по канату через балкон. Будешь отвлекать охранника. А мы с ней пойдем отключать сигналку.

– По канату? – Пашины брови запрыгивают на лоб. У него руки не толще моих, силенок там немного.

– Да, канат уже привязан. По нему и заберешься обратно.

Бархатов открывает балконную дверь и выходит. Мы с Пашей за ним, а за нами толпа. Остальные вроде должны быть в курсе, но смотрят с любопытством.

Балкон открыт и обрамлен железными перилами. К одной из решеток прикован железным карабином настоящий канат. Мы в школе на физкультуре по такому лазали. Бархатов скидывает канат вниз. Высота в один этаж не особо смертельная, но мне было бы стремно. Я Пашу прекрасно понимаю. Он обреченно выдыхает и встает у самих перил.

– Не дрожи, канат крепкий. Вся общага по нему лазает, – успокаивает его Бархатов, хлопая по хрупкому плечу.

Паша смотрит вниз и сглатывает, но, красавчик, не возражает, не визжит и не идет на попятную. Я бы бросила все и убежала в комнату. Придумал тоже задание.

– Твоя задача – найти черный «Киа Рио» с номером двести сорок один и по моему сигналу пнуть колесо так, чтоб сигнализация заработала. Я напишу в телеге когда.

Они обмениваются контактами.

– Держи кофту с капюшоном, мало ли, камеры засекут. Не пались там сильно. Запищит, сразу мотай сюда, под балкон. Там в кустах, если что, можно укрыться.

Бархатов снимает с себя толстовку и передает Паше. Он все послушно принимает и перелезает через перила. Гоша и Евген помогают ему спуститься. Те две минуты, пока Паша ползет вниз, все внимательно за ним следят. Он благополучно спрыгивает на землю и лыбится, точно в лотерею выиграл.

– Ну все, беги. Жди моего сообщения, – кричит Бархатов с балкона.

Я оглядываю двор. Пусто. Только бомж храпит на скамье возле детской площадки. Все провожают Пашу глазами.

– Ладно, пошли на пост охраны, – говорит мне Бархатов и, не оглядываясь, идет к выходу.

Я оборачиваюсь на Катю, не знаю зачем. Ищу хоть какой-то поддержки. Она кивает.

– Вы справитесь! – держит за нас кулачок Ульяна. – Мы в вас верим.

Улыбнувшись, я плетусь за Бархатовым. Волнуюсь опять сильно. Ладони потеют. Не знаю, чего боюсь больше: спалиться или остаться со Славой наедине.

– А зачем пожарку отключать? – спрашиваю, нагоняя его на лестничной клетке.

Бархатов прикладывает палец к своим губам и отвечает шепотом.

– Чтоб кальян покурить.

Почему я должна в этом участвовать? Я кальян курить точно не буду. Это же вредно. И наверняка никакого кайфа. Ох уж это посвящение…

– А если нас заметят? Что тогда?

Мы спускаемся по лестнице на цыпочках. Лестница сразу ведет в холл.

– Ну… выговор вставят. Могут отчислить, – Бархатов спокоен, как удав. А я таращу на него глаза. Не хватало еще отчислиться из-за такой фигни. Засечек мне мало.

В такой ситуации даже не побеситься. Приходится молчать в тряпочку. Затыкать себя. А то выйдет дороже.

Мы спускаемся до последней ступени, и Бархатов останавливает меня рукой, а сам выглядывает осторожно из-за стены. Пост охраны в самом начале холла. В проеме я вижу кулер и автоматы с шоколадками.

– Давай туда. Только быстро, – он тычет в угол между стеной и кулером. – Пошла.

И я, пригибаясь, почти на корточках, заползаю за кулер. Бархатов выжидает еще несколько секунд и прошмыгивает за мной. Нам двоим здесь места не хватает. Приходится жаться плечами.

Бархатов опускает ко мне лицо и шепчет:

– Сейчас я подам Паше сигнал. Когда хлопнет дверь, бежим к посту. Там справа от входа висит такая коробка металлическая с кучей кнопок. Каждый этаж подписан. Нажмешь на наш и введешь код: один-пять-три-пять. Запомнила?

Слава смотрит огромными глазами. Я в них погружаюсь против воли. Давно в них не глядела так глубоко. Хочется насладиться золотым ореолом вокруг зрачка. Он всегда манит своим волшебством.

– Один-пять-три-пять, – повторяет Бархатов, чуть скашивая рот вправо. – Не ошибись. Иначе нас прямо тут четвертуют.

Я моргаю, чтобы выбраться из золотого омута, и повторяю вслух:

– Один-пять-три-пять.

– Молодец, – наконец, на его суровом лице появляется улыбка. – Я на шухере, у турникета.

Кивнув, я тоже улыбаюсь. Не знаю, от чего. Рефлекторно, наверное.

Блин, надо бороться с собой.

Бархатов выглядывает из-за кулера и хватается за телефон. Через минуту с улицы доносится вой сигнализации. Пищит так, словно над головой. Окна в холле, оказывается, открыты. Звук влетает мощным потоком. Быстро заполоняет весь первый этаж.

– Ехарный-бабай! – вопит охранник и вылетает пулей.

– Давай! У нас минута.

Слава выталкивает меня из-за кулера. Я несусь к посту, а Бархатов – за мной к турникету. Следит за охранником и входом. Железная дверь громко хлопает.

А я теряюсь. Блин, столько кнопок. Бегаю глазами по ним, все цифры расплываются. Наконец, догадываюсь, что здесь все этажи идут по порядку, и внизу нахожу наш, второй.

Нажимаю кнопку и на панели справа ввожу код. Один-пять-три-пять. Но ничего не срабатывает. Кнопочка этажа горит красным, как горела до этого. Неужели цифры перепутала? Ааа! Блиин!

Так стремно, что кажется я сейчас рожу собственное сердце.

– Че там? – подбегает Бархатов. – Один-пять-три-пять?

Киваю, пуча на него глаза. Они залиты страхом. Все размывается в перспективе.

– А че тогда? – он за секунду осматривает панель, которая светится желтым, и, озаряясь догадкой, жмет на Enter.

Блииин! Вот я дурында! Стукаю себя ладонью по лбу.

– Семеныч, чего там опять? – слышится из коридора, когда сигнализация на улице стихает.

– Жаба! – шипит Бархатов, хватает меня и тащит за диван, который стоит посреди холла.

Я даже понять не успеваю, что нам нужно укрытие, как мы уже там оказываемся. Он прижимает меня к себе за плечи и держит палец у губ. Моих. Чтоб не пищала. Аромат «Love is» будит во мне все чувства разом. Замираю, чтобы себя утихомирить.

– Семеныч! – Жаба уже в холле. Тяжелые шаги и вздохи разносятся на весь зал. Шуршит одежда.

И мне кажется, что шум моего сердца тоже отчетливо слышен. Бархатов смотрит на меня в упор отчаянно. Чувствую себя героиней боевика.

– Если спалит нас, притворимся, что уединились для утех, – шепчет он едва различимо и ухмыляется наискосок.

В смысле? Поцелуемся, то есть? Я вспыхиваю.

Жаба, ко мне! Мы тут, Жаба! Иди сюда!

Но она проходит мимо дивана и идет к выходу, зовя Семеныча.

Может, чихнуть, типа случайно?

Аркгх! Угомонись, наивная душа. Не стоит один фиктивный поцелуй со Славой отчисления.

Я опускаю плечи и выдыхаю через нос.

– Че случилось? – у Жабы гнусавый голос, будто соплей наелась. Кстати, жижа, которую она пьет, похожа на сопли. Фииии!

У меня лицо само морщится от этой мысли. Бархатов поднимает брови в недоумении, но улыбается. Буквально секунду, потому что отвлекается на голос запыхавшегося охранника.

– Да тачка моя засигналила. Чуть не угнали. Хулиганье какое-то.

– Ой, да кому нужна твоя развалюха.

– Мне нужна. Я за нее еще кредит не выплатил.

Трещит турникет. Жаба смеется.

– Пошли, покурим, – предлагает она. – Остынешь.

Охранник молча соглашается, и железная дверь снова хлопает.

– Фух, пронесло, – выдыхает Бархатов и говорит уже вполголоса. – Думал, обратно не выберемся.

Он вскакивает и, схватив меня за руку, ведет к лестнице. Я лечу за ним шлейфом, едва переступая ногами. Кажется, и пола не успеваю касаться.

На плато между этажами мы можем отдышаться. Бархатов освобождает меня, словно ему жжет, и сразу отходит к стене. А я хватаюсь за место прикосновения. Хочу сохранить его тепло.

– Дурацкое испытание, – ворчу. – Нафиг такие риски? Ради гребанного кальяна!

– Тсс. Они щас вернутся, – он оглядывается вниз и прислушивается. Из холла ничего не доносится. Хлопок двери мы бы точно услышали. Бархатов поворачивает ко мне уже улыбчивое лицо. – Весело же. Добро пожаловать в студенчество.

Мне не нравится эта улыбка. Мне не нра-вится э-та улыбка! Мне ничего в нем не нравится! Он мне дав-но ни-кто.

Приходится глаза закрыть, чтобы не поддаться его обаянию.

– И вообще, они разве потом не заметят, что сигналка отключена? По-любому же просекут, что мы отключили. Что нам за это будет?

– Ну, в прошлом году не просекли. И мы весь год спокойно курили кальян. Летом, видимо, только проверка какая-то была. Опять включили.

– Что? А как же… безопасность? – я выпадаю в осадок. То есть мы теперь от пожара не защищены. Отлично, сработано!

Бархатов только пожимает плечами.

– За год ничего не случилось. Если что, мы на втором этаже всего лишь. Из окон повыпрыгиваем, – Бархатов выдавливает короткий смешок.

А я взорваться готова и устроить тут пожар.

– Очень смешно.

– Не бесись, все позади.

Он подталкивает меня за лопатки к ступенькам, и я послушно иду.

На этаже сразу у двери все нас встречают, как героев. Я замечаю самодовольного Пашу в толпе. Катя кидается Бархатову на шею и целует его в губы, в засос, никого не стесняясь. Я отшагиваю и отворачиваюсь, чтобы не наблюдать это отвратное зрелище вблизи. Они слишком долго целуются, но никто их не останавливает, пока Бархатов сам не прекращает.

– Яху, заряжаем кальян! – провозглашает он победоносно и ведет за собой гурьбу на кухню.

Катя, счастливая, с томным взглядом, жмется к нему сбоку. Бэ.

Я иду последней.

В ожидании пиццы Бархатов во всех красках делится нашим коротким приключением. Так подробно все описывает, нагнетает. По шагам показывает, как Жаба кралась к нам, но так и не заметила. Паша тоже делится, как уматывал от машины охранника и как прятался за торцом здания, а потом на адреналине на балкон второго этажа чуть не запрыгнул. Все слушают и смеются.

– Хочешь пива? – звучит сбоку. В общем гаме я не сразу определяю, что обращаются ко мне. Поворачиваю лицо влево. Там Рустам. Я сразу настораживаюсь. Помню, что говорила о нем Катя.

– Нет, спасибо, – и специально пью «ФрутоНяню».

Рустам смеется, но как-то неискренне, как мерзкие злодеи в старых фильмах. Наверное, я предвзята. Все-таки не стоит судить о человеке по чужим рассказам. Но он тут же доказывает мне обратное и обнимает за плечо.

– Детка, ты забавная. Если кто тебя будет здесь обижать, обращайся.

Ага. Если кто меня и будет здесь обижать, то это, видимо, ты.

Только я хватаю его за руку, чтобы скинуть с плеч, как Рустам сам отшагивает. Смотрит на Бархатова. Я смотрю туда же. Катя мне улыбается. А я мотаю головой и ухожу в другой угол, поближе к двум Машам.

Не нужна мне опека.

Маши и Витя увлекают меня разговором, точнее, расспросами, кто я, что я, как мне здесь. Разговор быстро перетекает во что-то абстрактное и смешное. Распространяется на всю компанию.

И я разряжаюсь, расслабляюсь, вливаюсь в коллектив. Смеюсь над их шуточками, внимаю их забавным историям, посвящаюсь в правила здешнего мира. Много разговоров о Жабе и ее тирании. Каждый находит, как ее высмеять, но у Бархатова получается лучше всего. Опять он своим вайбом заполняет все пространство. Я так по этому соскучилась. Почти забываюсь,

возвращаюсь в счастливое прошлое. Только Катя мне напоминает о суровой действительности. Льнет к Бархатову по-кошачьи, а он и рад. Чмокает ее в голову и обнимает за талию.

Мда. Если ад есть, то он такой. Я заслужила.

[1] Лавэ (сленг) – деньги

Глава 12

Наутро я просыпаюсь тяжело. Едва разлепляю глаза. Но страх получить вторую засечку за два дня поднимает меня. Я почти взлетаю на адреналине.

Это все из-за посвящения. Тусили до двух ночи. Во все игры переиграли, кажется. Зато было весело. Удалось вроде со всеми подружиться.

Собираюсь я на автомате, завидуя Кате, которой ко второй паре. Она и вчера дрыхла.

Завтраком опять жертвую. Надеваю вчерашнее платье и джинсовку. Кидаю в рюкзак одну чистую тетрадь. Сегодня у нас две лекции по одному предмету. Наконец, иду за самокатом. И только, подергав ручку кладовки, понимаю, что ключа у меня нет. Он у Бархатова. Приходится стучаться в двести восьмую комнату.

– Доброе утро, – удивляется Гоша, открывая мне дверь.

Бархатов стоит у кровати ко мне спиной, натянув до локтей красный лонгслив, но сразу оборачивается.

– Привет, – я улыбаюсь Гоше, а сама вытягиваю шею, чтобы посмотреть на Бархатова. – Мне ключ от кладовки нужен.

– Да, точно.

Гоша отходит в сторону, а Бархатов идет на меня, на ходу одеваясь. Рельеф мышц играет на ярком утреннем солнце. Я засматриваюсь. Не против воли. Когда он стал таким… секси?

Бархатов хватает связку ключей с полки стеллажа, который стоит сразу за дверью, и выходит за мной в коридор. Лонгслив, к моему удовольствию, не спешит спускаться до конца и оставляет пресс открытым. Сбоку я вижу четко выпирающие косые мышцы. Не думала, что это может быть настолько эстетично.

Просто красивая анатомия. Это чисто профессиональный интерес. Как художник, любуюсь.

То ли почувствовав мое нездоровое внимание, то ли сам по себе, но Бархатов опускает лонгслив до пояса. На меня смотрит только для того, чтобы пригласить в кладовку.

– Я сделаю тебе копию сегодня, – он показывает ключ.

Сняв коробку с самоката, я оборачиваюсь и смотрю на него со стыдом.

– Спасибо, но… не надо, – мне хочется показать свою независимость и избавиться от этой жалости. – Не думай, я могу потратить две тысячи на кладовку. Я куплю себе доступ.

Ужмусь в еде, в конце концов. Не буду больше завтракать тортами в кофейнях. Вообще, налажу быт и опять стану экономной. И потом папа мне подкинул нехилую сумму. На шалости. Не пропаду.

– Ты тоже не думай. Я не ради тебя это делаю, – Бархатов закатывает глаза. – Чисто Жабе назло. Пусть подавится.

Помню, как он раньше всегда мне помогал, зная о моей бедности, но никогда не акцентируя на этом внимания. Просто чувствовал, когда мне было стыдно признаться, что я не могу себе это позволить, и как-нибудь оригинально обыгрывал свою помощь, типа она вовсе не из жалости. Или делал так, чтобы я как будто сама себе помогала. Как было с нашим выступлением в метро после покатушек.

И вот снова.

– Если так хочется потратить лишнюю пару тысяч, зефирок себе накупи.

Он еще помнит мое любимое лакомство. Что это значит? Ай, разумеется, ничего. Цепляюсь за каждую мелочь, лишь бы… дальше страдать по нему. Хватит.

– Ладно, – дергаю самокат резко, но колесо за что-то цепляется. Поднять сил не хватает.

Бархатов отодвигает меня и вытаскивает самокат, держа над собой. Так и тащит его в коридор, только там ставит на пол.

– Спасибо, – я краснею почему-то и мнусь на месте.

– Пожалуйста.

Его взгляд выдавливает меня с этажа. Я подчиняюсь. Разворачиваюсь и выкатываю самокат на лестничную клетку.

Припарковавшись, я несусь к кофейне. Очень надеюсь, что тот мажор вчера был серьезен и реально ждет меня. Сама толком и не представляю, что ему сказать и как заставить подыграть, но шагаю решительно. На месте что-нибудь придумаю, обычно получается.

Дверь в кофейню я открываю дрожащей рукой. Все-таки нервничаю. Глупая ведь ситуация. Этот мажор надо мной только посмеется, наверное. Переступив порог, я почти разворачиваюсь, чтобы уйти, но слышу сбоку:

– Зефирка, ты опаздываешь.

Мажор сидит у окна на высоком табурете и лыбится. Перед ним два кофе в картонной подставке и коробочка, в такие обычно кладут десерты. Он хватает все это со стойки и идет мне навстречу.

– Неужели сомневалась? – парень приподнимает черную бровь, которая и без того гнется острым домиком.

– Я бы не пришла, но меня вынудили обстоятельства.

Мы выходим из кофейни. Краем глаза я ловлю улыбку кассира. Сегодня работает вчерашняя девушка. И меня прошибает стыдом. Больше ничего здесь покупать не буду.

– Какие обстоятельства? Влюбленность? – мажор всовывает мне стаканчик и коробку. Я медленно поднимаю на него взгляд. Хочу выразить скепсис, но его не смущает. – Знаю, я хорош. Таких не упускают.

Господи, второй Бархатов. Как два таких огромных эго выживают в одной группе? Да что там, в университете.

– Нет, – мне хочется быть предельно суровой. Для меня этот вопрос сугубо деловой и жизненно важный. – Мой бывший думает, что мы с тобой встречаемся. И я не хочу его в этом разубеждать.

Мажор останавливает стаканчик на полпути ко рту и сдвигает брови-домики к центру.

– Не понял.

– Подыграй мне. Пожалуйста, – предложить что-то взамен мне по-прежнему нечего, поэтому я тупо надеюсь, что он согласится просто так. В кармане на всякий случай лежит пятитысячная купюра, если будет набивать себе цену, но мне очень не хочется ее доставать. – Он твой одногруппник, Бархатов.

– Что?! Охохо.

Мажор заливается злодейским смехом, а потом делает сразу несколько больших глотков. Смакуя кофе, смотрит мне в глаза со странным ликующим блеском.

– Охренеть! Надо же так. Попал на его бывшую, – он торжествует, поднимая стаканчик, как кубок, и резко наклоняется ко мне с ухмылкой. – Ооуу, детка, как ты по адресу!

Теперь я ничего не понимаю. И хлопаю глазами. Рефлекторно стягиваю пальцами стаканчик. В нем горячий напиток, обжигает. Коробочку чуть продавливаю. Там что-то мягкое внутри.

– Что все это значит? – я мотаю головой, убеждаюсь, что все реально и происходит все еще со мной. Блин.

– Ничего. Просто с радостью тебе помогу, Зефирка. Да я жениться на тебе готов, лишь бы Бархатова побесить.

Он опять по-злодейски хохочет. Ненормальный. На что я опять напоролась?

– Что Бархатов тебе сделал?

– Неважно. Главное, что наши с тобой интересы совпадают, – мажор хватает меня за плечи и, прижимая к себе, ведет по дорожке к пешеходу. – И так, какая у нас легенда?

Я отпихиваю его локтем в бок. Он сгибается на мгновение и смеется.

– Познакомились в интернете год назад. Просто общались. Я типа специально поступила в твой вуз и приехала в Москву, и тогда мы стали встречаться.

– Кхм, – мажор чешет подбородок и глотает кофе. – Интересно. А на самом деле? Ты че, ради Бархатова сюда приехала?

В голосе жирная усмешка. Фиг с ним. Подумаешь, еще один угарающий надо мной человек. Я давно сбилась со счета, сколько таких.

– Разумеется, нет. Я приехала сюда учиться, а тут он…

– А кто кого бросил? – эти лукавые брови-домики раздражают. Они такие подвижные, будто приклеенные или вовсе нарисованные.

– Никто никого не бросал. Просто расстались.

– А зачем тогда его бесить? Хочешь заставить его ревновать? Вернуть?

– Господи, ты слишком много болтаешь.

Загорается зеленый, и я топаю через дорогу. На ходу делаю глоток. Кофе уже не жжет, но еще горячий. Кстати, вкусный. Двести пятьдесят рублей, еще бы был невкусный.

– Я твой союзник, Зефирка. Должен ведь знать нюансы, – он первым перебегает на ту сторону и разворачивается ко мне лицом. – Нам бы вообще неплохо всякие детали обсудить и познакомиться поближе.

Мажор подмигивает. А меня бесит его бесцеремонность. Но он прав. Нам надо сверить показания хотя бы, чтобы не проколоться. Хотя я почти уверена, что Бархатов не будет устраивать ему допрос с пристрастием. Однако подстраховаться все же надо.

До начала пары осталось три минуты. Вторая засечка мне точно не нужна.

– Есть здесь укромное место, где мы можем все обговорить? – произношу тихо, озираясь.

Бархатов обычно в наушниках, никого не видит и не слышит, но все равно стремно. Вчера же он нас засек как-то.

– Давай в библе[1]. Барх туда точно не зайдет.

Действительно. Как я сама не додумалась.

– Хорошо. А когда?

– Сколько у тебя пар?

– Две.

– Давай тогда после второй.

Мы входим в здание. Мне надо на третий этаж. Хоть номер аудитории заранее посмотрела.

Мажор пьет кофе, и я за ним повторяю, а самой неловко. Мы вроде обо всем договорились, а теперь как-то надо распрощаться, но нам, кажется, по пути.

– Тебе куда? – он, наконец, сминает паузу.

– На третий.

– А мне сюда, – показывает на кабинет в конце коридора.

Я выдыхаю с облегчением.

– Тогда увидимся, Зефирка, – мажор притягивает меня за плечи и чмокает в щеку.

Надо тренировать скорость реакции. Я и возмутиться не успеваю, а наглец уже пропадает за дверью. Только хлопок меня отрезвляет и заставляет поторопиться на лекцию.

В аудиторию я вбегаю минута в минуту. Фрося машет мне из среднего ряда. Как здорово, когда есть приятельница. Я несусь к ней. И только моя попа касается стула, входит преподаватель.

Фух. Новых засечек – ноль. Жизнь продолжается.

Какие эти пары долгие. Два урока подряд без перерыва. Особенно под нудный голос лектора, да еще когда ты не выспался, это пытка. Учиться я никогда не любила. Думала, хоть в университете не будет ненужных предметов, только важные. Но мы зачем-то опять проходим историю, начиная с самых зачатков цивилизации.

Всю перемену мы это с Фросей обсуждаем.

– А что там у тебя? – она тычет пальцем в коробочку, которую мне дал мажор.

Я сама не знаю, потому что до сих пор ее не открыла. Было не до этого. А там торт. Зефирный, который я вчера брала. Хм. Странная теплота просыпается в груди.

– Мое любимое лакомство, – отвечаю с улыбкой.

– Ты тоже сладкоежка? – Фрося снова загорается.

И теперь мы обсуждаем десерты.

После пар, проводив Фросю до самого гардероба, я несусь в библиотеку, которая на втором этаже. Зал огромный, как актовый, только заставлен стеллажами с книгами. На входе административная стойка, за которой студентов встречает пожилая женщина очень интеллигентного вида. Она не улыбчива, но максимально вежлива. Мне приходится потратить целых пару минут, чтобы сделать читательский билет и пройти внутрь.

Там между стеллажами есть столы для работы, с компьютерами и без. В левом крыле выделена специальная зона для проектора с удобными диванчиками. Рядом стоят флипчарты с не затертыми до конца надписями и кресла-мешки валяются просто так.

Свет из окон бьет по узким коридорам между стеллажами с обеих сторон. Весь пол покрыт ковролином. Я шагаю словно по воздуху, совсем беззвучно.

– Зефирка, я здесь, – голос мажора раздается на весь зал громким эхо. Потолки здесь высоченные.

Я не сразу понимаю, откуда звук, и кручусь по оси. Людей здесь немного, все молча работают. Только клавиши стучат. Черная фигура расположилась в правом крыле возле стеллажа с книгами об истории искусств. Уютное местечко он выбрал: круглый столик, рядом два кожаных кресла. Перед ним опять стоит картонный стаканчик, наверняка с кофе.

– Какая крутая библиотека, – говорю я, все еще осматриваясь по сторонам.

Мажор только хмыкает на это.

– Как тебя зовут хоть? – спрашивает, поставив напиток со стуком на столик.

– Лера, – наверное, ему надо знать и мою фамилию, чтоб не облажаться на допросе у Бархатова. – Палкина. А тебя?

– Дима. Киров, – он смотрит с ухмылочкой на меня, потом на смарт-часы и предупреждает. – У меня есть пятнадцать минут до следующей пары. Рассказывай, что у тебя за ситуация.

Я тушуюсь и увожу взгляд подальше от его колющих красно-янтарных глаз. Сама чувствую себя на допросе. Надоели мне уже такие ситуации, ложь, притворство. Но блин. Не позориться же перед Бархатовым теперь. Пусть не думает, что я из-за него сюда приехала. И без того большого мнения о себе.

– Короче, мы встречались в школе. Потом он поступил в Москву, уехал, мы расстались. А я *случайно*, – нажимаю на это слово, чтобы точно никаких сомнений не возникло, – поступила в тот же вуз. И попала в ту же общагу. Еще и в комнату к его девушке.

– Че?! – Киров чуть не плюется кофе, который пьет, и разражается смехом. На весь зал.

Библиотекарь делает нам замечание.

– Извините, пожалуйста, – отвечаю за обоих, потому что мажор еще досмеивается.

– Вот ты влипла.

И без тебя знаю, придурок.

– Бархатов не верит в такие совпадения и думает, типа я из-за него сюда приехала. Но это не так!

Киров кивает, якобы все понимает, и пьет дальше свой кофе. Я кошусь на него с подозрением. Пофиг, верит или нет. Главное, чтобы подыграл.

– И я ему наврала, что у меня другой парень. Ну, просто, чтобы он отстал от меня, – я сникаю и открываю кармашек на рюкзаке. От нечего делать. Закрываю обратно и снова открываю. Там звенит мелочевка. – А он увидел нас с тобой вчера и решил, что ты и есть мой парень. В общем, – вздыхаю, – если он там спросит вдруг, просто подтверди, что мы встречаемся. Не бойся, вряд ли мы будем сильно пересекаться, так что притворяться тебе много не потребуется. Чисто на словах подыграй.

Я смотрю на Кирова жалостливо. Надеюсь, это поможет его убедить. Хотя он вроде как уже согласился. Но в его глазах зажигается коварство, красное с янтарным блеском.

– Погоди, Зефирка. Мне на словах неинтересно, – он кладет оба локтя на стол и становится ближе. Я рефлекторно откидываюсь назад, в кресло. – Мы договорились его бесить. Так что при каждой возможности будем демонстративно любить друг друга. Пусть жалеет, что бросил тебя.

– Да не бросал он меня! – от нервов повышаю голос и тут же ловлю недовольный взгляд библиотекаря. Продолжаю опять шепотом. – Я сама его бросила, когда узнала, что он поступил в Москву. Ясно?

– Да, все предельно ясно, – Киров пожимает плечами и допивает кофе. Никак не избавится от ухмылочки. И глазки щурит с ехидством. Кажется, снова не с тем связалась. Вселенная, я смирилась. Уже не возмущаюсь.

– А у тебя с ним… какая ситуация?

Я слежу за ним настороженно. Не знаю, чего боюсь и какого подвоха жду. Просто надулась и сижу.

– Никакая. Не нравится он мне. И все.

Хм. Я ему тоже не верю.

– Девушку у тебя увел, что ли?

– Че? – Киров морщится так, словно я ему говна отведать предлагаю. – Барх? У меня? Детка, ты, видно, плохо разбираешься в жизни. Познавшая настоящего мужчину на сопляка уже не взглянет.

Он зачесывает высокий ежик назад. Волосы не поддаются и остаются торчать, как торчали. Мне смешно. Этот Бархатова легко перепонтует.

– Со мной ты ему вряд ли отомстишь, – выдыхаю с поражением. – Ему плевать на меня давно.

Киров приближается ко мне через стол и заглядывает снизу в лицо.

– Ну, вот и проверим.

Прижав рюкзак к груди, я вжимаюсь в спинку кресла. Сердце бьется учащенно. Неловко.

– А ты симпотная, – он хмыкает и наконец отодвигается назад. – Инициативная. Бойкая. Ты мне нравишься.

Я краснею непроизвольно, хоть и понимаю, что признание не настоящее. Этот мажор женским вниманием точно не обделен. Типажный красавчик, а-ля bad boy[2]. Мужественное лицо, даже воинственное, с большим носом и высокими скулами. Щеки и подбородок покрывает легкая щетина. А наглый и острый взгляд пронзает до нутра. Он явно умеет цеплять девушек. До Славы я бы в него встрескалась с первого взгляда, наверное. Но теперь в моем сердце зияющая дыра. Там негде поместиться новым чувствам. А старые кружат обломками, как космический мусор.

– Давай договоримся на берегу, – чтобы придать себе уверенности, я еложу попой в кресле. – Мы не встречаемся по-настоящему, только делаем вид, когда рядом Бархатов. Никаких поцелуев и ничего такого.

– Боишься втюриться в меня? – Киров щурится опять. Янтарь в его глазах сверкает красным огоньком. – Не сопротивляйся, Зефирка. Это все равно неизбежно.

Нет, этому нарциссу я в фанатки точно записываться не буду. Бархатов, по сравнению с ним, скромняга конченый.

– Не боюсь. Просто не наглей, – стараюсь выжать всю жесткость, на которую способна. – Месяц попритворяемся, потом, думаю, Бархатов успокоится и перестанет обращать на нас внимание.

Я на это очень надеюсь.

– Зефирка, я настроен серьезно, – Киров опять кладет полкорпуса на стол. – Чмоки и обнимашки – это не убедительно. Надо показать ему страсть. Чтобы Барх закипел от ревности.

– Да не будет он, – глаза у меня сами закатываются.

– Все ревнуют бывших. Барх – не исключение, – он резко хмурится, сохраняя ухмылку. – Вы хоть спали вообще?

– Спали. Но какое тебе дело?

Говорить об этом все равно стеснительно. Уши горят. Спрятаться бы от его всепронизывающего взгляда. Да тут негде.

– Отлично, – Киров играет бровями и сдавливает пустой стаканчик в руке.

Мне теперь не терпится узнать, что Бархатов ему сделал. Раз дело не в девушке, тогда в чем? В музыке? В учебе? В силе?

Ай, гадать бессмысленно. Мало ли причин ненавидеть. Меня это не должно касаться. Мне на руку его неприязнь. Не придется платить за этот спектакль. Хоть в чем-то повезло.

Внезапно раздается мой рингтон. Я поднимаю телефон. На экране незнакомый номер.

– Это я. Запиши, – поясняет Киров и скалится. – Хочешь, шли мне интимные фотки в телеге. Теперь можно.

Так бы и стукнула. Но вместо этого сохраняю его номер в контактах. Называю Наглой Мордой.

– Если пришлешь мне свой дикпик[3], наш уговор мгновенно отменяется, – угрожаю ему указательным пальцем.

Киров смеется, поднимаясь.

– Я свой член показываю только вживую. Он все равно нефотогеничный.

– Неужели у мистера Совершенства нашелся изъян?

– Проблема не в моем члене, а в камере, которая не может передать всю его красоту.

Я фыркаю, а у самой лицо плавится от стыда. Как я докатилась до такой пошлости?

Пока мы выходим из библиотеки, Киров просит меня рассказать о себе самое важное, что ему стоит знать. И я говорю, на кого учусь, откуда приехала, кто мои родители, какую музыку слушаю, какие фильмы смотрю. Информации немного. Ровно к выходу моя краткая презентация заканчивается.

А пока мы идем по коридору до холла, он вещает о себе. Я узнаю, что Киров слушает рэп, любит фантастику в любом виде и не может без кофе. В Москве живет с рождения. Отец у него бизнесмен, держит сеть ресторанов, баров и самый крутой ночной клуб, а мать – заведует последним.

– Твой Барх, кстати, там диджеит.

– Да ладно?! – я не скрываю удивления. Как тесен мир. А говорили, Москва большая. Капец. Мне вспоминается, что Славу пригласил на подработку какой-то знакомый. Неужели это был Киров? Но как? Они еще до универа друг друга знали? – Это ты его туда устроил, получается?

– Нет, мой старший брат. Он тоже диджей. Какое-то время жил в Питере. Там с Бархом и познакомился. Зазвал его сюда. И на программу нашу тоже, где мы учимся. И меня подбил.

Киров поджимает губы. Мне кажется, что он крепко жалеет о своем решении.

Да уж, у судьбы очень тонкие и прочные нити.

– Ну, что Зефирка, прощаемся, – Киров разворачивает меня за плечи прямо посреди коридора. – Барх, кстати, смотрит на нас. В конце, у окна. Так что не сопротивляйся.

Я только успеваю бросить взгляд в тот самый конец, как Киров хватает меня за голову и целует в губы. По-настоящему.

И почему это не противно, как было с Валентином?

Целоваться он умеет. Не ожидала от такого наглеца нежности.

Сразу после поцелуя я смотрю на Бархатова. Он стоит в наушниках, упираясь плечом в стену. Смотрит вниз. В руке сжимает толстый учебник, а вторую прячет в кармане джинсов.

Киров прав, мне хочется Бархатова задеть, чтобы ему было так же неприятно, как мне вчера, когда они с Катей сосались на глазах у всех. Простые чмоки такого эффекта не дадут.

– Смотри, закипает, – шепчет мне на ухо Киров.

Бархатов, не поднимая лица, разворачивается и бьет кулаком в учебник. Не сильно. Как будто от нечего делать.

Я знаю, как он закипает. У него тогда пар из ушей идет. Это точно не тот случай.

– Увидимся, Зефирка, – Киров треплет мне волосы и уходит в конец коридора к одногруппникам.

Все ревнуют своих бывших.

Хм. Надеюсь, так и есть. Даже если я Бархатову не нужна, позлить его хочется. Месть, говорят, сладка.

[1] Библа – сленговое сокращ. от Библиотека

[2] Bad boy (англ.) – плохой парень

[3] Дикпик (англ. dick pic) – фото пениса

Глава 13

В пятницу у нас целых четыре пары. И все нудятина. Мы с Фросей специально садимся за последнюю парту. Кумар нас накрывает обычно к середине лекции. Так хоть за головами более прилежных студентов можно спрятаться и подремать. Или поболтать, что Фрося любит. Наши беседы в основном похожи на ее монологи. Она рассказывает все о себе, своей семье, своих подружках, которых я никогда не увижу, но о которых знаю даже больше, чем они сами. В принципе, это ненапряжно и развлекает. Зато есть с кем ходить в столовую.

– Девчат, можно к вам? – староста Степан с подносом встает сбоку от нашего стола. Он уже третий раз за неделю к нам подсаживается.

Мы с Фросей переглядываемся. На ее лице я считываю огромное «SOS» и только вскидываю брови. Мне ее не спасти. На меня Степан никак не реагирует. Я пыталась ему понравиться и даже в прошлый наш обед задавала вопросы, на которые он отвечал с явной неохотой. Зато с большим вниманием слушал Фросю.

– Конечно, садись, – она мило ему улыбается и пересаживается на соседний стул.

– Спасибо.

Степан доволен. Ставит поднос и раскладывает все блюда из комплексного обеда. Он степенный и правильный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.